

Вадим Телицын

НИКОЛА
ТЕСЛА
И ТАЙНА
ФИЛАДЕЛЬФИЙСКОГО
ЭКСПЕРИМЕНТА

Вадим Телицын

НИКОЛА

И ТАЙНА
ФИЛАДЕЛЬФИЙСКОГО
ЭКСПЕРИМЕНТА

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2009

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Т 31

Оформление художника *П. Волкова*

Телицын В. Л.

Т 31 Никола Тесла и тайна Филадельфийского эксперимента / Вадим Телицын. — М. : Яуза : Эксмо, 2009. — 256 с. — (Никола Тесла. Рассекреченная история).

ISBN 978-5-699-34856-5

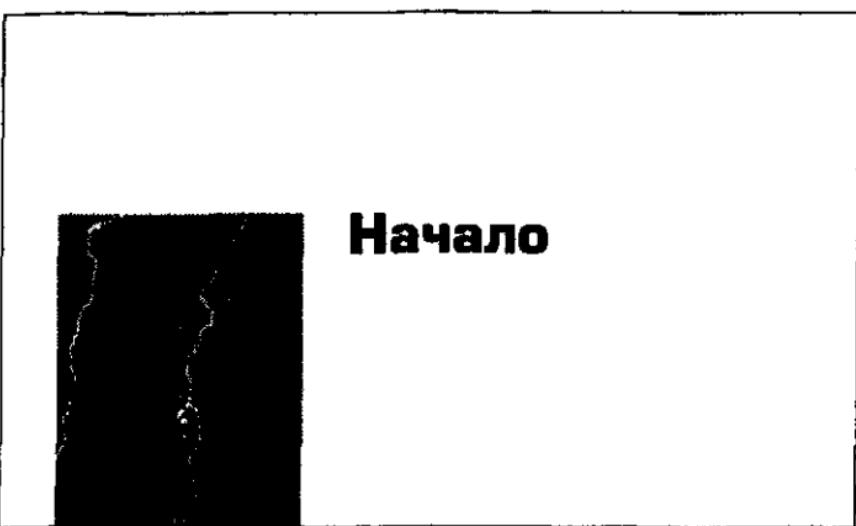
Сенсационное расследование главной тайны XX века! Новые данные о загадочном Филадельфийском эксперименте, в результате которого был телепортирован на сотни миль эсминец ВМФ США «Элдридж», а его экипаж погиб или сошел с ума. Все материалы этой трагедии засекречены до сих пор, однако молва связывает ее с именем Николы Тесла, который был вдохновителем и организатором «филадельфийского чуда», но сам до эксперимента не дожил — ходят слухи, что смерть великого ученого была не случайна, что он предупреждал об опасности, спорил с Эйнштейном, призываая отказаться от опытов на людях, и его заставили замолчать...

Проанализировав всю доступную информацию, рассмотрев все версии событий, эта сенсационная книга раскрывает подлинную роль Николы Тесла в Филадельфийском эксперименте и ставит точку в споре о причинах трагедии и обстоятельствах смерти великого ученого.

**УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4**

ISBN 978-5-699-34856-5

© Телицын В. Л., 2009
© ООО «Издательство «Яуза», 2009
© ООО «Издательство «Эксмо», 2009

Начало

Какова была миссия Иисуса?

Установить в мире космополитический строй, основанный на братской любви и терпимости, в которой «нет ни греха, ни еврея, ни обрезанных, ни необрезанных, ни варваров, ни рабов, ни свободных».

В этой истории нет начала и нет конца, в этой истории реальность переплетена с фантастикой, в этой истории человеческая мысль не может найти себе выход, в этой истории желаемое выдавалось за действительное, в этой истории действительность оставалась за семью печатями...

«Есть проповедники смерти; и земля полна теми, кому нужно проповедовать отвращение к жизни.

Земля полна лишними, жизнь испорчена чрезмерным множеством людей. О, если б можно было «вечной жизнью» сманить их из этой жизни!

«Желтые» или «черные» — так называют проповедников смерти. Но я хочу показать их вам еще и в других красках.

Вот они, ужасные, что носят в себе хищного зверя и не имеют другого выбора, кроме как вож-

деление или самоумерщвление. Но и вожделение их — тоже самоумерщвление.

Они еще не стали людьми, эти ужасные; пусть же проповедуют они отвращение к жизни и сами уходят!

Вот — чахоточные душою: едва родились они, как уже начинают умирать и жаждут учений усталости и отречения.

Они охотно желали бы быть мертвыми, и мы должны одобрить их волю! Будем же осторегаться, чтобы не воскресить этих мертвых и не повредить эти живые гробы!

Повстречается ли им больной, или старик, или труп, и тотчас говорят они: «Жизнь опровергнута!»

Но только они опровергнуты и их глаза, видящие только одно лицо в существовании.

Погруженные в глубокое уныние и алчные до маленьких случайностей, приносящих смерть, — так ждут они, стиснув зубы.

Или же: они хвалятся за счасти и смеются при этом своему ребячеству; они висят на жизни, как на соломинке, и смеются, что они еще висят на соломинке.

Их мудрость гласит: «Глупец тот, кто остается жить, и мы настолько же глупы. Это и есть самое глупое в жизни!»

«Жизнь есть только страдание» — так говорят другие и не лгут; так постарайтесь же, чтобы перестать вам существовать! Так постарайтесь же, чтобы кончилась жизнь, которая есть только страдание!

И да гласит правило вашей добродетели: «Ты должен убить самого себя! Ты должен сам себя украсть у себя!»

* * *

...Высокий, сухопарый человек, который казался почти божественным существом. Он прямо держал свое крайне худое тело, одетое в безукоризненный, но простой костюм мягких тонов. Ни булавка для галстука, ни кольца не украшали его. Свои черные густые волосы он зачесывал назад на прямой пробор от высокого лба, на котором напряженные размышления над возбуждавшими и увлекавшими его научными проблемами прорезали глубокие морщины. Из-под выступавших бровей его глубоко посаженные, мягкие, но пронзительные глаза серо-стального цвета, казалось, так и читают ваши затаенные мысли. Когда он вдохновенно говорил о завоевании новых сфер и достижении новых рубежей, лицо его как будто светилось неземным светом, а слушавшие его переносились из сегодняшней обыденности в воображаемые сферы будущего. Его добродушная улыбка и благородные манеры всегда указывали на истинного джентльмена, каким он и был по сути своей¹.

Он тщательно следил за своей одеждой. Одеваться он умел хорошо и всегда пользовался этим умением. Он сказал своей секретарше, что на Пятой авеню он одевается лучше всех и намерен и впредь оставаться на этом уровне. Но причиной тому было отнюдь не тщеславие. Опрятность и разборчивость в одежде полностью отвечали остальным аспектам его личности. Гардероб у него был небольшой, и он не носил никаких юве-

---

¹ О'Нил Дж. Гений, бьющий через край. М., 2008. С. 261–262.

лирных украшений. Просто хорошая одежда прекрасно сочеталась с изысканностью его манер. Он заметил, однако, что в вопросе одежды мир относится к человеку так же, как он сам относится к себе, а это отношение к себе отражается в его внешнем виде. И нередко мир облегчает такому человеку путь к его цели, оказывая небольшие любезности, которых не оказывает менее привлекательным людям¹.

Он любил приталенные пиджаки. Но, что бы он ни надел, выглядел он скромно, но элегантно. Из шляп он носил только черный котелок, ходил с тростью и обычно в серых замшевых перчатках.

Перчатки он покупал по 2,5 доллара за пару, носил их неделю, а потом выбрасывал, даже если они выглядели как только что купленные. Он выбрал для себя один тип галстука и всегда носил только самовяз. При этом рисунок не имел для него особого значения, однако он выбирал только те галстуки, где сочетались красные и черные тона. И каждую неделю он менял их, покупая себе новый галстук за доллар.

Рубашки он носил только шелковые, совершенно белые. На всех его вещах, таких как пижамы, на левой стороне груди неизменно вышивались его инициалы.

Он в огромных количествах закупал носовые платки, потому что никогда не отправлял их в стирку, а выбрасывал после первого же употребления. Он любил белье хорошего качества

---

¹ О'Нил Джон Дж. Гений, бьющий через край. С. 263.

и покупал стандартный комплект. Воротнички тоже никогда не стирались, потому что каждый воротничок был у него одноразовым.

Кроме торжественных случаев, он носил ботинки на шнурках. Ему нужна была большая и узкая обувь, и он требовал, чтобы туфли изящно сужались, но имели тупые носы. Обувь, несомненно, изготавливалась на заказ, потому что ботинки, верх которых доходил ему до середины икры, не продавались в обычном магазине. А при его высоком росте такая опора у лодыжки была, по всей вероятности, совсем не лишней.

Одноразовость таких вещей, как носовые платки и воротнички, распространялась и на салфетки. Он панически боялся микробов, и это очень затрудняло ему повседневную жизнь. Он требовал, чтобы за стол, за которым он ел в отеле, больше никто не садился и чтобы перед каждым приемом пищи он покрывался новой скатертью. Он также требовал, чтобы слева от него на стол кладли стопку из двух дюжин салфеток. Каждый прибор из столового серебра и каждое блюдо, которое подавалось ему — а перед подачей из кухни они, по его требованию, должны были стерилизоваться кипятком, — он брал одной салфеткой и протирал другой. А затем обе салфетки он мог бросить на пол. Даже во время небольшого приема пищи он обычно расходовал целую стопку салфеток. Мух он ненавидел больше всего и, если одна из них садилась ему на стол, этого было вполне достаточно, чтобы убрать со стола все и начать обед заново.

Ему повезло, что г-н П., бывший метрдотелем в «Вальдорф-Астории» в тот период, когда он

проживал там, впоследствии работал метрдотелем и в отеле «Пенсильвания», где он позднее тоже прожил несколько лет. Поговаривали, будто в обоих отелях нанимали специального повара, чтобы готовил еду для него, но г-н П. опроверг эти слухи.

В молодые годы он очень любил толстые бифштексы, предпочтительно из вырезки, и мог запросто съесть две-три штуки за раз. Позднее он стал отдавать предпочтение молодой баранине и частенько заказывал жареное «седло». Но поскольку седло было обычно настолько большим, что его хватило бы на нескольких человек, он съедал лишь центральную его часть. Любил он также блюдо из головы ягненка и жареную голубятину, фаршированную орехами. Из птицы, однако, он предпочитал жареную утку. По его требованию для жарки ее густо посыпали черешками сельдерея. Такой способ приготовления утки он придумал сам. Очень часто она становилась «изюминкой», вокруг которой строился обед для приглашенных друзей. В таких случаях он лично руководил на кухне ее приготовлением. Несмотря на такой способ приготовления, утятина получалась вкусной. Ел же он мясо только с утиной грудки.

Но по прошествии десятилетий он перестал есть мясо. Поначалу он иногда заменял его рыбой, всегда вареной. Позднее он почти совсем отказался и от рыбы и перешел на вегетарианское питание. В запасе у него всегда было молоко, ставшее для него в конце жизни главным продуктом питания, который он принимал в теплом виде.

В молодости он пил очень много кофе, но когда постепенно осознал его неблагоприятное воздействие на свой организм, его прием уже вошел в привычку, с которой ему было очень трудно бороться. Когда же, наконец, он принял решение больше не пить его, то сумел выполнить это благое намерение, однако был вынужден признать, что влечение к нему все же осталось. Борясь с ним, он заказывал кофейник с любимым напитком и наливал его в чашку, чтобы наслаждаться его ароматом. Десять лет ушло на то, чтобы запах кофе надоел ему и он смог спокойно обходиться без него. Вредными он считал также чай и какао.

В молодости он также очень много курил, в основном сигары. Когда ему только перевалило за двадцать, его сестра, казавшаяся смертельно больной, сказала, что попробует поправиться, если он бросит курить, и он немедленно сделал это. Сестра действительно выздоровела, и он никогда больше не притрагивался к куреву.

Он пил виски, считая, что это источник очень полезной энергии и бесценное средство продления жизни. По его мнению, именно это средство было причиной долголетия многих его предков. В начале века он заявил, что оно позволит ему прожить сто пятьдесят лет. Когда с началом Первой мировой войны в действие вступил «сухой закон», он назвал это недопустимым нарушением гражданских прав. Тем не менее он тут же отказался от виски и других напитков, кроме молока и воды, но сказал, что отказ от виски сократит для него ожидаемую продолжительность жизни до ста тридцати лет.

По его словам, он не нуждался ни в каких стимуляторах, способствующих ясности мышления. Быстрая ходьба гораздо лучше помогала ему концентрироваться. Во время работы он как будто пребывал во сне. Даже проходя мимо хорошего знакомого и вроде бы даже глядя на него, он мог его просто не заметить. В своих мыслях он обычно уносился на многие мили от своего реального местонахождения. Очевидно, из-за этой задумчивости в 1937 году он был сбит такси и серьезно поранился. Интересно, что двумя годами ранее он отметил в интервью, что может погибнуть, попав под грузовик или такси при неосторожном переходе улицы.

Без одежды он весил около 65 кг. Его вес с 1888 по 1926 год едва ли изменялся на полкило, за исключением непродолжительных периодов болезни. Затем он специально похудел на два с половиной килограмма.

На протяжении многих лет одной из слабостей, которые он позволял себе, был массаж головы. Трижды в неделю он ходил в парикмахерскую, где парикмахер по полчаса растирал ему голову. По его настоянию он стелил ему на стул чистое полотенце, но, как ни странно, он не возражал, когда парикмахер использовал обычную кружку для бритья и помазок.

Он всегда утверждал, что спит по ночам не более двух часов. Ложился он, по его словам, в пять утра, а поднимался в семь, проведя во сне лишь два часа; три же часа было уже слишком. Раз в год, по его признанию, он спал по пять часов, что давало ему огромный запас энергии. Он говорил, что никогда не прекращает работу, даже во сне,

и смеялся над Эдисоном, говорившим, что спит по ночам не более четырех часов. Для Эдисона обычное дело, рассказывал он, задремать дважды в день на три часа, сидя в своей лаборатории. Возможно, что, не сознавая того, он и сам досыпал подобным же образом. По рассказам работников отелей, они привыкли видеть, как он часами неподвижно стоит на одном месте в своем номере, настолько отрешенный от происходящего вокруг себя, что они могли работать в его комнате, явно не замечаемые им.

Он всегда устраивал у себя в кабинете отдельный туалет с умывальником, которым не мог пользоваться никто, кроме него, и мыл руки по малейшим причинам, а после мытья рук требовал у секретарши свежее полотенце.

Избегая рукопожатия, он доходил до крайностей и обычно прятал руки за спиной, когда к нему приближался кто-то, кто мог поздороваться с ним за руку. Из-за этого он нередко попадал в неловкое положение. Если случайный посетитель в его кабинете пожимал ему руку, он очень расстраивался, что не сможет уделить внимания его делу, и часто выдворял его, не выслушав до конца сути вопроса, а потом сразу же бросался к умывальнику и тщательно мыл руки. А вид рабочих, обедавших с грязными руками, был неприятен ему до тошноты.

Жемчуг тоже был одной из его фобий. Если на одной из женщин на званом обеде, куда его пригласили, был жемчуг, он не мог есть. Ему вообще были противны гладкие круглые поверхности, поэтому даже бильярдные шары он привыкал терпеть очень долго.

Он никогда не страдал головной болью и не знал, каково это — выносить ее. Несмотря на ряд серьезных болезней, за годы своей самостоятельности он ни разу не вызывал врачей.

Практически все его фобии имели свои причины, но не все они известны. Боязнь микробов можно проследить до двух серьезных болезней его молодости. В обоих случаях это, скорее всего, была холера — болезнь, широко распространенная у него на родине, которая вызывается микробами, попадающими в организм при потреблении грязной питьевой воды и при контакте между людьми.

Нельзя говорить, будто он не сознавал свои неприятные слабости, напротив — он прекрасно знал о них и о том, насколько они затрудняют ему повседневную жизнь. Но они составляли неотъемлемую часть его существа, и он мог пренебрегать ими не больше, чем своей правой рукой. Возможно, они были следствиями его одиночества, а может быть, и способствующей одиночеству причиной¹.

А еще он очень любил Ницше:

«Ты хочешь, брат мой, идти в уединение? Ты хочешь искать дороги к самому себе? Помедли еще немного и выслушай меня. «Кто ищет, легко сам теряется. Всякое уединение есть грех» — так говорит стадо. И ты долго принадлежал к стаду.

Голос стада будет звучать еще и в тебе! И когда ты скажешь: «У меня уже не одна совесть с вами», — это будет жалобой и страданием.

---

¹ О'Нил Джон Дж. Гений, бьющий через край. С. 262—266.

Смотри, само это страдание породила еще единая совесть: и последнее мерцание этой совести горит еще на твоей печали.

Но ты хочешь следовать голосу своей печали, который есть путь к самому себе? Покажи же мне на это свое право и свою силу!

Являешь ли ты собой новую силу и новое право? Начальное движение? Самокатящееся колесо? Можешь ли ты заставить звезды вращаться вокруг себя?

Ах, так много вожделеющих о высоте! Так много видишь судорог честолюбия! Докажи мне, что ты не из вожделеющих и не из честолюбцев!

Ах, как много есть великих мыслей, от которых проку не более чем от воздуходувки: они надувают и делают еще более пустым.

Свободным называешь ты себя? Твою господствующую мысль хочу я слышать, а не то, что ты сбросил ярмо с себя.

Из тех ли ты, что имеют право сбросить ярмо с себя?

Таких не мало, которые потеряли свою последнюю ценность, когда освободились от рабства.

Свободный от чего? Какое дело до этого Заратустре! Но твой ясный взор должен поведать мне: свободный для чего?

Можешь ли ты дать себе свое добро и свое зло и навесить на себя свою волю, как закон? Можешь ли ты быть сам своим судьею и мстителем своего закона?

Ужасно быть лицом к лицу с судьею и мстителем собственного закона. Так бывает брошена звезда в пустое пространство и в ледяное дыхание одиночества.

Сегодня еще страдаешь ты от множества, ты, одинокий: сегодня еще есть у тебя все твоё мужество и твои надежды.

Но когда-нибудь ты устанешь от одиночества, когда-нибудь гордость твоя согнется и твоё мужество поколеблется.

Когда-нибудь ты воскликнешь: «Я одинок!»

Когда-нибудь ты не увидишь более своей высоты, а твоё низменное будет слишком близко к тебе; твоё возвышенное будет даже пугать тебя, как призрак. Когда-нибудь ты воскликнешь: «Все — ложь!»

Есть чувства, которые грозят убить одинокого; если это им не удается, они должны сами умереть! Но способен ли ты быть убийцею?

Знаешь ли ты, брат мой, уже слово «презрение»? И муку твоей справедливости — быть справедливым к тем, кто тебя презирает?

Ты принуждаешь многих переменить о тебе мнение — это ставят они тебе в большую вину. Ты близко подходил к ним и все-таки прошел мимо — этого они никогда не простят тебе.

Ты стал выше их; но чем выше ты подымаешься, тем меньшим кажешься ты в глазах зависти. Но больше всех ненавидят того, кто летает.

«Каким образом хотели вы быть ко мне справедливыми! — должен ты говорить. — Я избираю для себя вашу несправедливость как предназначенный мне удел».

Несправедливость и грязь бросают они вслед одинокому; но, брат мой, если хочешь ты быть звездою, ты должен светить им, несмотря ни на что!

И осторегайся добрых и праведных! Они любят распинать тех, кто изобретает для себя свою

собственную добродетель, — они ненавидят оди-
нокого.

Остерегайся также святой простоты! Все для
нее нечестиво, что не просто; она любит играть
с огнем костров.

И остерегайся также приступов своей любви!
Слишком скоро протягивает одинокий руку тому,
кто с ним повстречается.

Иному ты должен подать не руку, а только
лапу — и я хочу, чтобы у твоей лапы были когти.

Но самым опасным врагом, которого ты мо-
жешь встретить, будешь всегда ты сам; ты сам
подстерегаешь себя в пещерах и лесах.

Одинокий, ты идешь дорогою к самому себе!
И твоя дорога идет впереди тебя самого и твоих
семи дьяволов!

Ты будешь сам для себя и еретиком, и колду-
ном, и прорицателем, и глупцом, и скептиком,
и нечестивцем, и злодеем.

Надо, чтобы ты сжег себя в своем собственном
пламени: как же мог бы ты обновиться, не сде-
лавшись сперва пеплом!

Одинокий, ты идешь путем созидающего: Бога
хочешь ты себе создать из своих семи дьяволов!

Одинокий, ты идешь путем любящего: самого
себя любишь ты и потому презираешь ты себя,
как презирают только любящие.

Созидать хочет любящий, ибо он презирает!
Что знает о любви тот, кто не должен был прези-
рать именно то, что любил он!

Со своей любовью и своим созиданием иди
в свое уединение, брат мой, и только позднее,
прихрамывая, последует за тобой справедли-
вость.

С моими слезами иди в свое уединение, брат мой. Я люблю того, кто хочет созидать дальше самого себя и так погибает.

Так говорил Заратустра».

* * *

И это все о нем, о человеке, сделавшем ХХ век, о великом ученом (выдающемся инженере-электрике Америки), настоящем маге и провидце Николе Тесле (урожденном сербе и американском гражданине), чьи изобретения выходили далеко за рамки осознания их человеческим обществом, в котором он жил. Тесла реализовал на практике самые фантастические проекты. Этого не могли не знать те, кто отвечал за модернизацию вооружения.

Интерес к новым видам вооружения был обусловлен тем, что Соединенные Штаты Америки вот уже два года вели тяжелейшие бои на всем протяжении Азиатско-Тихоокеанского региона против императорской Японии, самого верного союзника нацистской Германии, и любое военное усовершенствование военное командование Вооруженных сил США готово было «оторвать с руками». И Тесла со своими просто фантастическими идеями пришелся как раз «ко двору».

Бесчисленные изобретения Теслы, например, лучевое оружие, всемирный радар, приспособления для вызова землетрясений или манипуляций мозговой деятельностью, могли быть применены в военных целях. Один или несколько передатчиков могли отправлять разрушительные импульсы по земле в любую точку. Таким образом, удар

мощностью в миллионы вольт теоретически был способен уничтожить коммуникации любого крупного города. В недавних исследованиях потенциального развития военных технологий, проведенных в основном военным аналитиком, подполковником Томом Бирденом и парапсихологом, доктором медицинских наук Андрием Пухаричем, высказано предположение, что Советский Союз использовал различное оружие Теслы, в том числе и аппараты для сейсмического и погодного контроля, а также для контроля над сознанием¹.

По словам Бирдена, передатчик усиления Теслы создавал основной гравитационный вектор (или электростатическую скалярную волну), которая воздействовала на пространственно-временную ткань и не ограничивалась скоростью света. Таким образом, волна Теслы, исходящая из его передатчика и теоретически обладающая огромной скоростью, могла повлиять на геомагнитный пульс планеты и достичь любой цели на любом континенте².

Данное исследование весьма противоречиво и вызывает много споров, поэтому к нему следует относиться с осторожностью. Однако в номере «Авиэйшн Уик» за 2 мая 1977 года появилась статья в семь тысяч слов, посвященная советскому лучевому оружию. Эта разоблачительная статья, которая «потрясла Вашингтон», была также в сокращении опубликована в журнале «Сайенс». К ней прилагалось схематическое изображение лучевого оружия; сильно напоминавшего

---

¹ Сейфер Марк. Никола Тесла. Повелитель Вселенной. М., 2009. С. 583.

² Сейфер М. Никола Тесла. Повелитель Вселенной. С. 583.

неопубликованные рисунки Теслы, сделанные четыре десятилетия назад. Учитывая значительные успехи Советского Союза в данной области, можно сказать, что это веский аргумент в поддержку заявления, будто Тесла продал чертежи своего устройства Советскому Союзу в середине 1930-х годов¹.

В «Авиэйшн Уик» также было описано использование «на базе Райт-Паттерсон в Дэйтоне, Огайо... молодых гениев в возрасте до двадцати девяти лет», которые пытались добиться прорыва в технологии, и, что удивительно, сам «президент Джимми Картер не имел доступа к важным техническим достижениям из-за бюрократии ЦРУ и Разведывательного управления министерства обороны». Автором этих слов был генерал Джордж Киген — бывший глава военно-воздушной разведки².

Всплывают три интригующих пункта:

1) повышенная секретность лучевого оружия;
2) упоминание о военно-воздушной базе Райт-Паттерсон;
3) политика привлечения блестящих молодых ученых. Все эти составляющие присутствуют в рассмотренных ранее документах ФБР, посвященных Тесле. Особой поддержкой пользуется гипотеза о том, что работы и документы Теслы систематически скрывали от общественности в целях защиты сверхсекретных изысканий, известных сегодня как «звездные войны»³.

---

¹ Сейфер М. Указ.соч. С. 584.

² Сейфер М. Указ.соч. С. 584.

³ Сейфер М. Указ. соч. С. 584.

Даже в 1996 году лучевое оружие по-прежнему является больше мечтой, чем реальностью. Однако если секретные агентства одной или обеих сверхдержав имели доступ к планам Теслы, почему «ключ смерти» так и не был создан? Возможно, существуют прототипы. Но мне кажется, что в этом случае они уже были бы использованы во Вьетнаме и Афганистане или в Кувейте и Ираке. Эта часть истории все еще остается загадкой¹.

---

¹ Сейфер М. Указ.соч. С. 584.

Последняя загадка Николы Теслы

Все еще остается загадкой и еще одна история, известная как Филадельфийский эксперимент.

В 1940 годы Никола Тесла вместе с А. Эйнштейном и Р. Оппенгеймером был привлечен к осуществлению секретного проекта, главная цель которого — создание «невидимости» кораблей Военно-морских сил Соединенных Штатов Америки¹. Речь шла о достижении 10% кривизны

¹ Эйнштейн Альберт (1879–1955) — физик, создатель теории относительности и один из создателей квантовой теории и статистической физики. По окончании Цюрихского политехникума (1900) работал учителем сначала в Винтертуре, затем в Шаффхаузене. В 1902-м получил место эксперта в федеральном патентном бюро в Берне, где работал до 1909 года. В эти годы Эйнштейном были созданы специальная теория относительности, выполнены исследования по статистической физике, броуновскому движению, теории излучения и др. Работы Эйнштейна получили известность, и в 1909 году он был избран профессором Цюрихского университета, затем Немецкого университета в Праге (1911–1912). В 1912 году возвратился в Цюрих, где занял кафедру в Цюрихском

света путем создания интенсивных электромагнитных полей вдоль бортов крупного военного корабля типа эскадренный миноносец или легкий крейсер. Участие в опытах принимал также Джон фон Нейман¹. Проводились работы по созданию магнитных полей сверхвысокой напряженности на основе вихревых генераторов Теслы.

Опыты по так называемому размагничиванию, или, как говорят физики, «дегауссизации» корабля — попытки сделать его незаметным для радаров и невидимым для магнитных мин. Ведь тогда до технологии «стелс», укрывающей от радаров за счет особого покрытия, еще не додумались.

политехникуме. В 1913-м был избран членом Прусской и Баварской академий наук, в 1914 году переехал в Берлин, где был директором физического института и профессором Берлинского университета. В берлинский период Эйнштейн завершил создание общей теории относительности, развил далее квантовую теорию излучения. За открытие законов фотоэффекта и работы в области теоретической физики Эйнштейну была присуждена Нобелевская премия (1921). В 1933 году он был вынужден покинуть Германию, вследствии в знак протеста против фашизма отказался от германского подданства, вышел из состава академии и переехал в Принстон (США), где стал членом Института высших исследований. В этот период Эйнштейн пытался разработать единую теорию поля и занимался вопросами космологии.

Оппенгеймер Роберт (1904–1967) — американский физик. Труды по квантовой механике, физике атомного ядра и космических лучей, разделению изотопов, нейтронным звездам. Руководил (1943–1945) созданием американской атомной бомбы. Председатель генерального консультативного комитета Комиссии по атомной энергии США (1946–1952), директор (1947–1966) Института фундаментальных исследований в Принстоне.

¹Нейман Джон (Янош) фон (1903–1957) — американский математик, член Национальной Академии наук США (1937). В 1926-м окончил Будапештский университет. С 1927 преподавал в Берлинском университете, в 1930–1933 годах — в Принстонском университете (США), с 1933 года — профессор Принстонского института перспективных исследований. С 1940-го консультант различных армейских и морских учреждений (Н. принимал, в частности, участие в работах по созданию первой атомной бомбы). С 1954 года — член комиссии по атомной энергии.

В его распоряжение предоставили корабль, который он оборудовал своими знаменитыми катушками. Однако его обуревали сомнения, ибо с развитием проекта он все яснее осознавал серьезность проблем, касающихся персонала судна. Возможно, Тесла знал это благодаря способности во всей полноте предвидеть действие своих изобретений каким-то внутренним зрением. В любом случае Тесла знал, что душевное и физическое состояние членов команды подвергнется серьезному испытанию. Ему требовалось время для внесения необходимых изменений.

Фон Нейман не согласился с таким расточительством времени, и они больше никогда не ладили. Нейман был блестящим ученым, но не обладал способностью ощущать воздействие метафизических сил. Метафизику хорошо чувствовал Тесла, оставивший в наследство человечеству изобретения, основанные на его уникальном даре предвидения. По его словам, полученная информация гласила, что он потеряет людей, если не внесет изменений в условия эксперимента. Эксперимент в определенный момент вполне мог выйти из-под контроля, а сильнейшие электромагнитные импульсы — дать совершенно неожиданные результаты, которые и повторить-то было нельзя. Ему необходимо было время для изготовления нового оборудования.

И фон Нейман, да и Эйнштейн были теоретиками, Тесла — практик. Отказ Теслы от продолжения эксперимента привел в результате к большим потерям.

Настороженное отношение к его взглядам начало складываться со времен демонстрационного эксперимента в Колорадо-Спрингс, то есть

приблизительно с 1900 года, когда Тесла заявил, что инопланетная цивилизация поддерживает с ним связь и что он чувствует их сигналы всякий раз, когда на небе появляется Марс¹. То же самое произошло в 1926 году, когда он установил радиомачты в Валдорф-Астории и в своей лаборатории в Нью-Йорке.

Итак, требование Теслы об увеличении времени на подготовку к испытаниям во внимание не приняли. Правительство вело войну и не располагало резервом времени. Тесла принял за дело, но в марте 1942 года устроил настоящий акт саботажа, отказавшись участвовать в продолжении эксперимента.

Тесла не дожил до начала испытаний, он умер в январе 1943 года: один, в гостиничном номере, в самом центре Нью-Йорка. Тело его обнаружили несколько дней спустя после остановки сердца.

Тело кремировали на следующий день после смерти, что противоречило традициям веры, которой придерживались в семье его отца — священника. Документация из его сейфа была изъята сотрудниками Федерального бюро расследования и более никогда не упоминалась.

Директором проекта назначили Фон Неймана. Он заново пересмотрел схему эксперимента и решил, что потребуются несколько огромных генераторов. Предварительные тесты проводились в сухом доке. В конце 1942 года фон Нейман пришел к выводу, что эксперимент может оказаться смертельно опасным для экипажа (это же пред-

---

¹ См.: Тесла Никола. Колорадо-Спрингс. Дневники. 1899–1900. М., 2008.

сказывал и Тесла). Он решил, что третий трансформатор позволит преодолеть трудности. У него еще было время изготовить третий генератор, но на отладку синхронизации с остальными двумя временем не оставалось. Последний генератор ни разу не запустили, поскольку передаточный механизм, как оказалось, не соответствовал нужным параметрам. Фон Нейман не был удовлетворен подготовкой эксперимента, но руководство не со-биралось больше ждать.

Морской эсминец с именем DE 173 (больше известный как U.S.S. Eldridge, то есть «Элдридж»)¹, с командой из 181 человека, напичканный сотнями тонн электрооборудования, находился в доках порта Филадельфии. Эксперимент был запущен. Предполагалось сгенерировать огромные электромагнитные области, которые при правильной конфигурации должны были вызвать огибание световых и радиоволн вокруг эсминца.

* * *

Испытания, 1943 год:

20 июля. Сухой док Филадельфийского порта. Все подготовили и провели контрольный тест. Корабль «сняли с якоря», по радио поступил приказ включить оборудование. Невидимость удерживалась в течение пятнадцати минут. Проблемы с персоналом не заставили себя ждать. Члены судовой команды испытывали тошноту и сла-

---

¹Согласно официальной истории «Элдриджа», как она представлена в документах морского министерства, корабль был спущен на воду 25 июля 1943 года в Ньюарке, Нью-Джерси, и принят в эксплуатацию 27 августа 1943 года в Нью-Йоркском морском порту.

бость. Кроме того, появились явные признаки душевных расстройств и психической неуравновешенности.

12 августа — порт Филадельфия, сухой док.

Оборудование требовало усовершенствования, но демонстрационные испытания были назначены на 12 августа. Приказ исходил от начальника штаба Военно-морских сил, который заявил, что его заботит только исход войны. По непонятным причинам испытания были перенесены на два месяца.

22 октября — порт Филадельфия.

Включением рубильника запустили завершающий цикл эксперимента. Заработали центральный генератор нулевого времени и четыре вспомогательных генератора электромагнитных колебаний. Корабль начинает окутываться зеленоватым туманом, затем туман стал исчезать... вместе с эсминцем, только отпечаток корабля на воде остался.

«...Я видел, как воздух вокруг корабля легко и очень постепенно становился темнее, чем воздух, окружающий место действия... — рассказывал очевидец, вспоминая события того дня. — Через несколько минут я увидел, как облаком поднимается вверх молокообразный зеленоватый туман. Я думаю, это было какое-то силовое поле... Я также видел, как после этого «Элдридж» быстро сделался невидимым для человеческого глаза, и при этом в морской воде остался неправдоподобно четкий отпечаток киля и днища этого корабля. Если попытаться описать звук, сопровождающий возникшее силовое поле, когда оно кружило вокруг «Элдриджа»... ну, сначала возник

такой жужжащий писк, который быстро изменялся, превратился в гудящее шипение, а потом усилился до бурлящего грохота, точь-в-точь бурный поток...»

Результатом стало полное исчезновение корабля. Через несколько минут (по некоторым данным — несколько секунд) судно снова появилось. Но было обнаружено нечто ошеломляющее, оказывается, после того, как судно исчезло в Филадельфии, оно переместилось в доки порта Норфолк (Вирджиния), а затем переместилось обратно в Филадельфию. В результате эксперимента большинство моряков стали душевнобольными, некоторые люди вообще исчезли и никогда больше не появлялись, но самое страшное и загадочное было то, что 27 человек в буквальном смысле срослись с конструкцией корабля, тринадцать — умерли от ожогов, пять человек оказались «вплавлены» в металлическую обшивку корабля! Только 21 человек остался невредимым. Люди утверждали, что попадали в другой мир и наблюдали неизвестных существ.

Возможно, в результате эксперимента создались «ворота» в параллельный мир! Этот эксперимент дал катастрофическое влияние на физическое и душевное состояния людей.

12 ноября, открытое море. Продолжение эксперимента...

Хотя целью было лишь добиться неразличимости корабля для радаров, выявился совершенно непредвиденный и радикальный побочный эффект. Создавая «электромагнитный пузырь» — экран, который отводит излучение радаров, он сделал корабль невидимым для невооруженного

глаза и изъял его из пространственно-временного континуума. Корабль неожиданно возник в Норфолке, штат Вирджиния, на удалении в сотни миль.

Проект оказался успешным в материальном физическом отношении, но для задействованных людей стал жестокой катастрофой. Пока корабль «перемещался» из филадельфийской базы Военно-морских сил в Норфолк и обратно, члены судовой команды полностью потеряли ориентацию. Они покинули физический мир, но не обрели привычной среды, с которой могли бы установить связь. По возвращении на базу Военно-морских сил в Филадельфии некоторые не могли передвигаться, не опираясь на стены. Те, кто выжил, были психически ненормальными, находились в состоянии ужаса.

Можно говорить, что попытки сделать «Элдридж» невидимым в ходе Филадельфийского эксперимента завершились полным успехом, но возникла одна очень существенная проблема — корабль на некоторое время не только пропадал из виду наблюдателей, но и вообще исчезал физически, а затем появлялся вновь. Другими словами, экспериментаторы хотели лишь скрыть корабль из поля зрения, а вместо этого получили дематериализацию и телепортацию.

Объемная телепортация — было придумано много способов ее реализации, большинство из которых сводятся к одной из простых идей: осуществление «прокола» пространства-времени с передачей материи через разновидность «крововой норы», либо достаточно быстрый перенос тела через пространство с большей размернос-

тью (гиперпространство), в частности, с промежуточной сверткой материи в «волновые пакеты». Во многих случаях для ее осуществления требуется черные дыры.

Эта разновидность телепортации выглядит достаточно наукообразно и в целом не противоречит общей теории относительности. Действительно, с одной стороны, общая теория относительности не исключает существования и даже искусственного создания таких аномалий, как кротовые норы, червоточины, но с другой стороны, она накладывает на них существенные ограничения — червоточины нестабильны, для их стабилизации требуются поля с отрицательной плотностью энергии, современной науке пока не известные.

Есть, однако, одно серьезное препятствие, большинством авторов благополучно игнорируемое: телепортация, как правило, происходит быстрее света или мгновенно, то есть предполагает сверхсветовое перемещение по пространственно-подобной траектории или разрыв мировой линии перемещаемого объекта (в некоторых произведениях авторы делают телепортацию универсальным транспортом, позволяющим свободно перемещаться даже во времени), что входит в конфликт с теорией относительности, поскольку это может привести к нарушению причинно-следственных связей. Кроме того, теория относительности делает неопределенным само понятие одновременности, в каждой системе отсчета время идет по-своему. Как в таком случае соотносятся времена исчезновения телепортируемого объекта в одном месте и появления его в другом?

В научно-фантастических произведениях этот вопрос, как правило, обходится стороной, молчаливо предполагается существование некой выделенной системы координат, для которой понятие одновременности имеет вполне конкретный, согласующийся с представлениями ньютоновской механики, смысл.

Еще одной проблемой объемной телепортации считается гипотетическая возможность случайного или преднамеренного совмещения перемещаемой материи с материей в пункте назначения. Возможных исходов в таком случае может быть два: либо произойдет взрыв (это, впрочем, маловероятно, поскольку материя фактически состоит из пустоты — расстояния между ядрами атомов, электронами и между самими атомами на порядки больше самих частиц), либо атомы просто смешаются. В любом случае результат считается необратимым.

* * *

Результаты проведенных экспериментов на специально переоборудованном эсминце «Элдридж» были немедленно засекречены, что само по себе говорит об их чрезвычайной важности. Есть все основания полагать, что Филадельфийский эксперимент был предназначен не столько для обеспечения невидимости корабля, сколько для инструментальной проверки многовариантности мироздания, и более того — для попытки создания вероятностного тоннеля в будущее на основе уникальной хронотехнологии. Кроме того, остается невыясненной связь между исчезнове-

нием Теслы и началом Филадельфийского эксперимента.

А что делал Эйнштейн?

Его работа не имела ничего общего с электромагнетизмом, тем более с невидимостью, он проверял свою Единую теорию поля.

Что же такое Единая теория поля?

Смысл теории состоит главным образом в том, чтобы с помощью одного—единственного управления объяснить математическим путем взаимодействие между тремя фундаментальными универсальными силами — электромагнетизмом, силой тяготения и ядерной энергией. Есть предположения, что существует четвертая, «слабая» универсальная сила, связанная с силой тяготения так же, как электричество с магнетизмом. Пока неизвестно, имеет ли это поле межпространственный или временной характер. Если предложить возможность полной разработки этой теории, то ее окончательные уравнения должны включить в себя также световые и радиоволны, чистый магнетизм, рентгеновские лучи и даже саму материю.

Неразгаданная тайна XX века или откровенное шарлатанство?

Загадочным событиям 1943 года посвящено шестнадцать мировых бестселлеров, два суперфильма категории А, несчетное число симпозиумов, конференций, семинаров, исследований.

Мы обратимся только к одному исследованию — книге двух отечественных авторов: А.С. Кузовкин, Н.Н. Непомнящий «Что случилось с эсминцем «Элдридж»?»¹.

Вот что пишут эти авторы...

Филадельфийский эксперимент. Его загадка начинается с имени Морриса Кетчума Джессупа. Это был человек с разносторонними интересами — астрофизик, математик, писатель. Ему приходилось заниматься различными проблемами, но никогда он не искал общественного призна-

¹ Здесь и далее цитирую по книге Кузовкин А.С., Непомнящий Н.Н. Что случилось с эсминцем «Элдридж»? М., 1991.

ния. В конце 1940-х – начале 1950-х годов Джессуп заинтересовался феноменом «летающих тарелок», сначала по причине любознательности, а чуть позднее – и чисто профессионально.

Накопив определенный материал, он решил написать об этом подробную книгу, которая должна была стать первой действительно научно-популярной попыткой ответить на вопрос – что такое НЛО? – на основании имеющихся данных. По его мнению, движущая сила НЛО базировалась на пока не известном нам принципе антигравитации.

Книга «Аргументы в пользу НЛО», вышедшая в 1955 году, не стала бестселлером, но именно после ее публикации Джессуп получил в высшей степени странное послание. Оно пришло вместе с пачкой традиционных читательских писем, которые издательство регулярно пересыпало автору.

На этом особенном конверте стоял штемпель Пенсильвании, и написано оно было разноцветными карандашами и чернилами, не говоря уже о весьма странном стиле. В середине предложения слова вдруг писались заглавными буквами, присутствовало множество орфографических и лексических ошибок, а знаки препинания были словно разбросаны наугад. Нередко целые предложения были подчеркнуты разными цветами. Это, по мнению большинства исследователей, свидетельствовало о том, что с головой автора «не все в порядке».

Но еще более удивительным оказалось содержание письма. Его автора заинтересовали не-

бесспорные книги Джессупа, где говорилось о левитации, которая могла быть известна нашим далеким предкам.

По мнению автора письма, левитация не только существовала, но и была некогда «общеизвестным процессом» на Земле. Письмо было подписано коротко и ясно: «Карлос Мигель Альенде».

Джессуп написал краткий ответ загадочному мистеру Альенде, в котором просил сообщить подробности. В течение нескольких последующих месяцев ответ так и не пришел, и он постепенно начал забывать об этом случае. Мало ли кто ему писал, в том числе и сумасшедшие. «Забуду», — решил Джессуп.

13 января 1956 года, ровно через год после завершения работы над рукописью «Аргументы в пользу НЛО», Джессуп, теперь уже в Майами, получил следующее письмо от того самого Карлоса Мигеля Альенде, который, впрочем, на сей раз подписался «Карл М. Аллен».

Письмо было написано в той же странной манере, что указывало на прежнего пенсильванского отправителя, однако на нем был штемпель городка Гейнсвилл, что в Техасе. :

Мы приводим его здесь по тексту вышедшей в 1962 году в США малым тиражом брошюры.

*Карлос Мигель Альенде
Нью-Кенсингтон, Пенсильвания*

«Мой дорогой доктор Джессуп, Ваш призыв к общественности привести ее представителей в массовом порядке в движение и тем самым оказать достаточное давление на соответствующие учреждения, чтобы они издали закон об ис-

следовании Единой теории поля д-ра Альберта Эйнштейна (1925–1927), вообще не является необходимым. Вам, наверно, будет интересно узнать, что милый доктор при изъятии своего труда руководствовался не столько математикой, сколько гуманистикой.

Результат позднейших расчетов, которые он проводил, возмутил его.

Поэтому нам сегодня «рассказывают», что эта теория была «незавершенной».

Доктор Б. Рассел утверждает частным образом, что она была завершена. Он также говорит, что человек не созрел для этого и не будет таким до окончания третьей мировой войны. Тем не менее «результаты» доктора Франклина Рено были использованы. Они были полным пересчетом тай теории с точки зрения любых быстрых возможностей применения, если их можно провести в короткое время. Притом это были хорошие результаты, насколько это касается теоретического пересчета и хорошего физического «результата». И все же Военно-морские силы боятся использовать этот результат! Этот результат был и является сегодня доказательством, что Единая теория поля до определенной степени верна. По ту сторону не отважится пойти ни один человек в здравом рассудке или вообще имеющий рассудок. Верно, что такая форма левитации осуществлялась, как описано. Это также часто наблюдаемая реакция некоторых металлов на определенные поля, окружающие ток, и это поле поэтому используется для этой цели...

«Результатом» была полная невидимость корабля типа эсминец на море и всей его команды

(октябрь 1943 года). Магнитное поле имело форму вращающегося эллипсоида и простипалось на 100 метров (больше или меньше, в зависимости от положения Луны и градуса долготы) по обеим сторонам от корабля. Все, кто находился в этом поле, имели лишь размытые очертания, но воспринимали всех тех, кто находился на борту этого корабля и, кроме того, таким образом, будто они шли или стояли в воздухе. Те, кто находился вне магнитного поля, вообще ничего не видели, кроме резко очерченного следа корпуса корабля в воде — при условии, конечно, что они находились достаточно близко к магнитному полю, но все же вне его. Почему я Вам это сегодня рассказываю? Очень просто: если хотите потерять рассудок, раскройте эту информацию. Половина офицеров и членов команды того корабля сейчас совершенно безумны. Некоторых даже по сей день содержат в соответствующих заведениях, где они получают квалифицированную научную помощь, когда они либо «воспаряют», как они сами это называют, либо «воспаряют и застревают». Это «воспарение» — последствие слишком долгого пребывания в магнитном поле — вовсе не является чем-то неприятным для моряков, обладающих здоровым любопытством. Но становится таковым, если те при этом «застревают». В этом состоянии они не способны двигаться по своей воле, если один или двое товарищей, которые находятся с ними в магнитном поле, быстро не подойдут и не прикоснутся к ним, иначе они «замерзнут».

Если человек «замерзает», его положение тщательно маркируется и затем магнитное поле

отключается. Все, кроме «замерзшего», теперь снова могут двигаться и радоваться своему, как кажется,циальному телу. Тогда член команды с наименьшим сроком службы должен пойти в то место, где он найдет лицо или обнаженный, не прикрытый униформой участок кожи «замерзшего».

Иногда это длится только час или чуть больше, иногда целую ночь и день, а однажды понадобилось шесть месяцев, чтобы «разморозить» человека.

Понадобилось сконструировать в высшей степени сложный аппарат, чтобы возвратить «свежезамороженных» и «глубокозамороженных». Обычно «глубокозамороженный» теряет рассудок, беснуется и несет несуразицу, если «заморозка» длилась больше одного дня по нашему отсчету времени.

Я говорю о времени, но... «замерзшие» воспринимают течение времени иначе, чем мы. Они напоминают людей, находящихся в сумеречном состоянии, которые живут, слышат и чувствуют, однако не воспринимают столь многое, что словно существуют лишь на том свете. Эти воспринимают время не так, как Вы или я. Как я уже говорил, для возвращения первого «глубокозамороженного» потребовалось шесть месяцев. Кроме того, необходимое для этого электронное оборудование и специальный причал для корабля стоили свыше 5 миллионов долларов. Если в морском порту или вблизи него вы увидите группу моряков, которые кладут руку на одного из своих товарищ или «в воздух», скорее идите туда и положите на него свои руки, ибо это несчастнейший чело-

век на свете. Ни один из них не хотел бы еще раз стать невидимым. Я считаю, это нельзя продолжать, ибо человек еще не созрел для работы с силовыми полями.

Эти люди употребляют выражения типа «повиснуть в потоке», или «в тяничке», или «в салюте», или «застрять в сиропе», или «я усвистел», чтобы описать некоторые последствия, наступающие еще спустя десятилетия после эксперимента с силовыми полями.

Остались очень немногие из членов команды, кто принимал участие в эксперименте... Большинство лишилось рассудка, один попросту исчез «сквозь» стену собственной квартиры на глазах у жены и ребенка. Двое других членов команды «воспламенились», то есть они «замерзли» и загорелись, когда носили маленькие шлюпочные компасы; один носил компас и загорелся, а другой поспешил к нему, чтобы «возложить руку», но тоже загорелся. Они горели на протяжении 18 дней. Вера в эффективность метода возложения рук была разрушена, и началось повальное сумасшествие.

Эксперимент как таковой был абсолютно успешным. На экипаж же он подействовал роковым образом.

Поищите в Филадельфийских газетах крошечный абзац (верхняя часть страницы, около последней трети газеты, 1944/46 гг. весной, осенью или зимой, не летом) — заметку о поступках моряков после их первого плавания.

Они совершили нападение на «Матросский отдых» — кабачок при морской верфи, повергнув официанток в шок и обморок.

Проверьте экипаж корабля наблюдения «Эндрю Фьюресет», компания «Матсон», порт приписки Норфолк. Компания может иметь вахтенный журнал того плавания или он может быть у береговой охраны, первый офицер Моусли (фамилию капитана установлю позднее, список команды в судовом журнале).

Один из членов экипажа Ричард Прайс мог бы припомнить имена других членов палубной команды (береговая охрана располагает сведениями о моряках, которым были выданы «документы»). Мистеру Прайсу в октябре 1943 года было 18 или 19 лет. Он живет или жил тогда в своем старом фамильном доме в Роанoke, Вирджиния, маленьком городке с маленькой телефонной книгой. Эти люди — свидетели-очевидцы, люди из команды. Коннелли из Новой Англии (Бостон?) тоже мог бы быть свидетелем, но я сомневаюсь (возможно, фамилия пишется по-другому). Он был очевидцем. Я прошу Вас провести это маленькое расследование...

С глубоким уважением Ваш
Карл М. Аллен

PS. Охотно окажу дополнительную помощь, если скажете какую.

(Z 416 175)»

Несколько дней спустя пришло еще одно интересное письмо.

«В дополнение письма. (Для подтверждения приведенной здесь информации свяжитесь с контр-адмиралом Росоном Беннеттом. Шеф

военно-морских исследований. Может, он Вам наконец предложит работу.)

Как результат холодного и трезвого анализа хочу сообщить Вам и в Вашем лице — науке следующее:

1. Военно-морские силы не знали, что люди также могут стать невидимыми, если они находятся не на корабле, но под воздействием поля.

2. Военно-морские силы не знали, что люди могут умереть от побочного воздействия «гиперполя» внутри или снаружи «поля».

3. Кроме того, они и сейчас не знают, почему это случилось, и даже не уверены, что «П» в «П» вообще является причиной этого. Я сам «чувствую», что что-то связанное со шлюпочным компасом «вызывало пожар». У меня нет доказательств, но и у Военно-морских сил их тоже нет.

4. Что еще хуже и что никогда не упоминалось: когда один или двое людей, видимых для всех внутри поля, попросту уходили в ничто и от них не осталось ничего осязаемого — ни когда «поле» было включено, ни когда оно было выключено, — когда они попросту исчезали, страхи возросли.

5. Еще хуже было, когда один вроде бы видимый ушел «сквозь» стену своего дома, и окрестности были тщательно обследованы с помощью переносного генератора поля и никаких его следов не было обнаружено.

Тогда страхи возросли настолько, что никто из тех людей или людей, которые работали с экспериментами, не могли продолжать их.

Я хочу также упомянуть, что подопытный корабль исчез из своего дока в Филадельфии и через несколько минут появился в другом доке

у Норфолка, Ньюпорт-Ньюс, Портсмут. Там он был ясно и четко идентифицирован, но затем снова исчез и через несколько мгновений вернулся в свой док в Филадельфии.

Это тоже было в газетах, но я не помню, где я это читал или когда это случилось. Возможно, во время позднейших экспериментов. Возможно также, в 1946 году, после того, как эксперименты были прерваны. Не могу утверждать это с точностью.

Для Военно-морских сил вся эта история была очень неудобной, ибо имела такое морально разлагающее действие, что нормальная эксплуатация корабля была сильно затруднена. Кроме того, после этого происшествия оказалось, что нельзя рассчитывать даже на элементарную эксплуатацию корабля.

Я думаю, если бы Вы тогда работали с той группой, которая участвовала в проекте, и если бы Вы знали то, что знаете теперь, то тогда «огонь» не был бы таким неожиданным или такой уж жуткой загадкой. Более чем вероятно, что ни один из этих случаев не мог бы произойти. В действительности их можно было предотвратить, в частности, используя более осторожную программу и более тщательный подбор офицерского состава и команды. Но этого не случилось. Военно-морские силы попросту использовали тот людской материал, какой оказался под рукой, слабо учитывая — если вообще учитывая — характеры и индивидуальности этого материала. При осторожности, большой осторожности при выборе корабля, офицеров и команды, при тщательном обучении и достаточном внимании к таким украшениям, как

кольца или часы, а также к личным знакам и поясным пряжкам и особенно к подбитым гвоздями ботинкам, я думаю, наверняка можно было бы до некоторой степени успешно развеять исполненное страхом невежество, окружающее этот проект. Документы кадрового управления Военно-морских сил в Норфолке, Вирджиния (для выпускников мореходных школ), покажут, кто был приписан к кораблю «Эндрю Фьюресет» в конце сентября либо в октябре 1943 года. Я хорошо помню другого наблюдателя, который во время проведения испытаний стоял рядом со мной. Он был из Новой Англии, с темно-русыми вьющимися волосами. Имя его я забыл. Я оставляю Вам решать, заслуживает это большей работы или нет, и пишу в надежде, что это будет сделано.

С глубоким уважением Карл М. Ален».

История удивительная, кто-то даже сказал — безумная, фантастическая, но именно этим она и привлекла Джессупа. Правда, в своей вышедшей в 1964 году книге «Невидимые горизонты» писатель Винсент Гэддис говорит, что «первой реакцией Джессупа было отмахнуться от этого письма как от розыгрыша какого-то чудака». Чудака? Ой ли! Чудаки не очень умны, а автор — не глуп, очень не глуп... Притом — очень осторожен и внимателен к своим словам.

И все же, по словам Гэддиса, Джессуп допускал возможность того, «что письмо представляет собой преувеличенный рассказ о реальном событии. В конце концов, во время Второй мировой войны проводилось множество секретных экспе-

риментов. А в 1943 году проводились также исследования, которые привели к созданию атомной бомбы. Импульс им дало письмо Эйнштейна президенту Рузвельту, а Единая теория поля знаменитого ученого вполне могла послужить базой для других, менее успешных экспериментов».

Два проекта — Манхэттенский и Филадельфийский — и сравнивать нельзя, это разные «категории».

Но если письмо в действительности было не более чем выдумкой, то как тогда объяснить обилие содержавшихся в нем подробностей относительно имен, географических пунктов и событий?

Вряд ли хоть один даже одержимый «шутник» станет прилагать столько усилий, чтобы снабдить свою историю подобными деталями, которые к тому же могут привести к разоблачению его подделки.

Нет, видимо, автор очень внимательно изучал документы, связанные с историей Филадельфийского проекта, был знаком с трудами того же Эйнштейна, Тесла и других участников и руководителей испытаний. Причем все знания автор «разложил по полочкам», логика изложения данных свидетельствовала об умении автора представить проблему.

Писатель Джессуп был явно озадачен. Он написал «Аллену» ответ, в котором подчеркивал «величайшую важность» того, чтобы тот в подкрепление своих странных утверждений немедленно выслал любой имеющийся в его распоряжении дополнительный материал.

Шли месяцы, а ответа не было. Прошло полгода, ответа не было.

Дела отвлекли Джессупа от ожидаемого ответа. Однако через семь месяцев пришло очередное послание Аллена — столь же загадочное и трудно понимаемое, как и все предыдущие. Итак, новое письмо почитателя Джессупа.

Карлос М. Альенде

Нью-Кенсигnton, Пенсильвания

«Дорогой мистер Джессуп, только что возвратясь из длительных разъездов, обнаружил Вашу открытку. Поскольку Вы хотите, чтобы я ответил Вам «немедленно», я, основательно подумав, решил сделать это. То, что Вы от меня хотите, равносильно положительному доказательству, которое, однако, Вам мог бы представить лишь дубликат того оборудования, которое вызвало «этот феномен». Мистер Джессуп, при такой позиции я никогда не смог бы и близко удовлетворить Ваши желания. По той причине, что я этого не сумел бы. Да и Отдел военно-морских исследований [в то время под началом нынешнего шефа Военно-морских сил Берка] никогда не допустил бы разглашения.

Видите ли, этот эксперимент мог быть осуществлен лишь благодаря любопытству и настойчивости Берка. Он оказался чистым провалом, но его позиция в отношении прогрессивных и ультрапрогрессивных исследований как раз и есть «то» дело, которое сделало его тем, кем он является сегодня.

Если бы смрад результатов тех экспериментов когда-нибудь вырвался наружу, Берка бы распяли на кресте. Как бы то ни было, я заметил, что после того, как постыниут вспышки, порожденные

реакцией, распятые достигают в некотором роде святости. Вы пишете, что это имеет «величайшую важность». Я противоположного мнения не только искренне, но и страстно. Вместе с тем Ваши идеи и Ваше любопытство сродни моим собственным. Я лично мог бы оказать Вам позитивную помощь, но для этого нам потребовались бы гипнотизер, пентотал натрия, магнитофон и отличная машинистка, чтобы получить нечто действительно ценное для Вас.

Как Вы знаете, человек под гипнозом не может лгать, и человек, находящийся под гипнозом и получивший «прививку от вранья», как это называется в обиходном языке, вообще неспособен лгать. К тому же тем самым моя память была бы приведена в способность вспомнить во всех подробностях те вещи, о которых мое нынешнее сознание не помнит вообще или помнит лишь слабо и неуверенно, так что использование гипноза принесло бы гораздо большую пользу. Тем самым я был бы приведен в способность вспомнить не только полные имена, но и адреса и телефоны, и, возможно, даже исключительно важные — номера тех матросов, с которыми я ходил в плавания или даже вступал в контакт.

Вам, я надеюсь, понятно, что их неудача состояла не в осуществлении металлической и органической невидимости, а в осуществлении непривольной транспортировки в мгновение ока тысячи тонн металла вместе с людьми. Хотя этот последний эффект был делом длительного экспериментирования (для Военно-морских сил), которое они изложили как неудачу, я полагаю, что дальнейшие эксперименты совершенно естеств-

венно привели бы к контролируемой транспортировке больших тоннажей со сверхбольшой скоростью в нужное время и в нужное место.

Непреднамеренно и к великому смущению Военно-морских сил это однажды уже произошло с целым кораблем вместе с командой. Я об этом читал и также о поступках моряков, которые без разрешения удалились со своей базы и которые в тот момент времени были невидимыми, в одной из дневных газет Филадельфии. Под наркогипнозом я мог бы раскрыть название, дату и номер страницы этой или другой газеты. Следовательно, архив этих газет выдаст еще больше позитивных доказательств этого эксперимента. Тем самым можно отыскать и имя репортера, который эти происшествия так скептически расследовал, и описал, и интервьюировал офицанток, так что можно было бы получить свидетельские показания от него и от офицанток.

Конечным результатом будет правда слишком чудовищная, слишком фантастическая, чтобы ее можно было утаить. Хорошо обоснованная правда, подкрепленная ясными позитивными доказательствами. Я бы охотно разузнал, где сейчас живут эти матросы. Известно, что небольшое количество людей могут назвать адрес и имя человека, с которым никогда не знакомились или только видели. У этих людей очень высокий ПСИ-фактор, который может интенсифицироваться в условиях давления или напряжения или обычно усиливается при сильнейшем испуге. Он может также активизироваться под гипнозом — значит, это так же просто, как читать справочник.

Проверка регистрационных записей в аптеках при верфи или в госпиталях, станциях скорой помощи или тюрьмах того самого дня, в который произошло нападение на ресторан, могла бы выявить точные имена, кто эти люди, и их служебные номера, а значит, можно было бы выяснить, откуда они и при определенных усилиях их нынешние адреса.

Возможно, Военно-морские силы уже использовали тот несчастный случай для строительства Ваших НЛО. С любой точки зрения это логический следующий шаг. А что полагаете Вы???

С глубоким уважением, Карл Аллен»

Невозможно даже представить, какие мысли владели Джессупом, когда он все это читал.

Одно из двух: или на него как снег на голову свалилось важнейшее событие современности, или кто-то дурачит его самым изощренным, бессовестным образом. Джессуп ничего не ответил на последнее письмо, однако он размышлял над тем, что дает ему эта переписка.

Между тем события продолжали развиваться, причем более чем странные.

Если бы вся эта история на том и закончилась, Джессуп был бы рад приписать эти письма фантазиям безумца. Да он, похоже, пока не особенно верил во все это. Во всяком случае, доктор был слишком занят подготовкой новой экспедиции в Мексику, чтобы охотиться за небылицами об исчезающих кораблях и невидимых экипажах. Но, повторяю, некоторые события заставили его

в корне изменить свое отношение ко всей этой истории.

Эта часть истории начинается, очевидно, в конце июля — начале августа 1955 года, то есть, если дата верна, по меньшей мере за несколько месяцев до того, как Джессуп получил первое письмо Альянде. Во всяком случае, все началось с бандероли, адресованной «адмиралу Н. Ферту, начальнику Управления военно-морских исследований, Вашингтон-25», которую майор Дарелл Л. Риттер, офицер отделения аэронавигационных проектов морской пехоты при Управлении морских исследований обнаружил во входящей почте. На коричневой оберточной бумаге стоял штемпель «Семинола, Техас, 1955». Не было ни адреса отправителя, ни сопроводительного письма. Единственным содержимым посылки оказалась книга М. Джессупа «Аргументы в пользу НЛО» в бумажной обложке.

Когда Риттер раскрыл ее, в глаза ему тут же бросились многочисленные беспорядочные пометки на полях, сделанные от руки, и места, подчеркнутые по меньшей мере тремя цветными карандашами.

Пометки производили такое впечатление, будто их автор обладал большими знаниями об НЛО — их истории, происхождении и движущей силе. Сама книга была уже изрядно потрепана — кто-то, очевидно, потратил на работу с ней немало времени. Читали книгу с большим вниманием, рассчитывая обнаружить на ее страницах что такое, чего не смогли обнаружить в тексте все прежние читатели. Автор пометок в книге как бы рекламировал себя: вот, смотрите, я, только я, все

понял, да так, что способен задать сотню—другую вопросов...

Сегодняшним исследователям не удалось выяснить, заинтересовался ли этим анонимным посланием сам Ферт. Зато майор Риттер, видимо, счел его по крайней мере достойным внимания курьезом. Во всяком случае, похоже, именно благодаря ему книга не попала в тот же момент в мусорную корзину. Его непосредственная реакция неизвестна, но чтение пометок наверняка повергло его в изумление. Пометки на полях были посвящены, главным образом, загадочному исчезновению кораблей, самолетов и людей — по большей части в районе таинственного Бермудского треугольника. Кроме того, они касались — иногда весьма детально — «необычных бурь и облаков, падающих с неба предметов, странных знаков и следов ног и подобных вещей», о которых писал Джессуп.

Удивительный у Джессупа объявился поклонник...

Майор Риттер наверняка знал, что военные учреждения как раз в то время проявляли особый интерес к исследованиям в области антигравитации. Как бы то ни было, он сохранил книгу. Именно из его рук эту книгу спустя несколько месяцев получили два сотрудника Управления морских исследований, проявившие интерес к каракулям, — капитан 3-го ранга Джордж В. Гувер и капитан 1-го ранга Сидней Шерби. В свое время оба участвовали в проекте «Авангард» (кодовое название проектных работ по созданию первого искусственного спутника Земли США) и интересовались исследованиями в области антиграви-

тации. Сидней Шерби написал Джессупу письмо, приглашая его в Вашингтон, в Управление морских исследований для обсуждения книги.

И Джессуп... приехал.

Ему показали испещренный разноцветными пометками на полях экземпляр его книги.

«Кто мог быть автором пометок?» — спросили его.

Джессуп не знал, что ответить... Таинственный незнакомец... Джессуп попросил дать ему ознакомиться с пометками.

Как вспоминает Винсент Гэддис, один из сотрудников Управления морских исследований, «во время чтения пометок лицо Морриса Джессупа приобретало все более смущенный вид, поскольку все большее число комментариев касалось вещей, о которых он хотя и слышал, но в своей книге не упоминал. Кроме того, автор пометок, судя по всему, обладал обширнейшей информацией о «существах из НЛО», о внеземных фенomenах и многих других вещах, обсуждавшихся, как правило, лишь психиатрами и людьми, занимающимися культурами и мистикой».

И главное было даже не в том, соответствуют ли они действительности или нет. Гораздо важнее была удивительная осведомленность незнакомого автора послания в этих вопросах».

Джессуп растерялся. Почему, спрашивал он себя, Военно-морские силы так интересуются плодом творчества явно душевнобольного человека? Пока что ему в голову не приходило, что между письмами «Карла Аллена» и этими пометками была непосредственная связь. Но тут он заметил примечание, касавшееся проекта Военно-морских сил от 1943 года. И опять — невидимый

корабль... И Джессуп вспомнил об Альенде! Да, он располагает двумя письмами «одного из комментаторов».

И он сказал об этом капитану Гуверу.

«Благодарю, мистер Джессуп, — сказал Гувер. — Нам очень важно видеть эти письма».

Гувер еще раз подчеркнул свой исключительный интерес к этому делу и сказал, что уже принял необходимые меры к тому, чтобы книга с пометками была размножена ограниченным тиражом и затем представлена влиятельным людям из руководства.

«Мы позаботимся, чтобы и вы получили экземпляр», — заверил он Джессупа.

Надо полагать, Джессуп исполнил просьбу Гувера, так как через некоторое время письма появились как часть «введения» к размноженной «ограниченным тиражом» книге Джессупа. Остальную часть предисловия написали Гувер и Шерби.

Есть сведения, что Джессуп побывал по этому делу в Управлении морских исследований не менее трех раз. И каждый раз разговор с сотрудниками растягивался на несколько часов, стенограммы бесед, естественно, не велись. Можно только предполагать, что Джессуп отвечал на многочисленные вопросы, появлявшиеся у сотрудников Управления.

Гувер попытался разыскать Альенде по адресу, который тот указал на своих письмах Джессупу.

Но безуспешно.

Альенде как сквозь землю провалился.

Он нашел пустой фермерский дом и узнал от соседей, что некто по имени Карлос или Карл

действительно какое-то время проживал там у одной пожилой супружеской четы, а потом съехал. Переехали и супруги.

Вернемся, однако, к судьбе Джессупа. К 1958 году он практически прекратил профессиональную деятельность, решив зарабатывать на жизнь публикациями своих трудов. Несмотря на довольно скромные доходы, это принесло ему определенную независимость. Однако она не спасла его от глубокой депрессии.

Ситуацию осложнила еще и автокатастрофа, в которую попал Джессуп, большой любитель быстрой езды. Врачам пришлось буквально «по кусочкам» собирать ноги Джессупа, пострадавшие во время лобового столкновения его машины и небольшого грузовичка, шедшего по встречной полосе.

В середине апреля 1959 года, едва перешагнув 59-летний рубеж, он решил поставить последнюю точку.

Из достоверных источников известно, что Джессуп, написав по меньшей мере два прощальных письма своим близким друзьям, спустился в гараж, расположенный на первом этаже его дома.

20 апреля 1959 года около 18:30 доктор Моррис К. Джессуп был обнаружен еще живым за рулем своего автомобиля, припаркованного недалеко от его дома в Корал-Гейблс. Сообщают, что он скончался либо по пути, либо сразу по прибытии в больницу, отравившись окисью углерода, направив шланг от выхлопной трубы в салон машины. Самоубийство было тщательно продумано.

А может, это было и не самоубийство, а продуманный акт насилия?

Несколько лет спустя Айвен Сэндерсон, известный ученый и один из ближайших друзей Джессупа, первым осмелился заявить, что «сопутствующие делу Альенде таинственные обстоятельства вызвали цепочку происшествий, приведших в конечном итоге к смерти Джессупа».

Таинственные обстоятельства, связанные со смертью доктора Джессупа, заставили исследователей подробнее заняться этой темой. Было ли это самоубийством, как кажется на первый взгляд, или его убили, так как он слишком много знал?

Первой отправной точкой стала информация из Майами от журналистки Анны Генслингер, которой вместе со своим приятелем, лейтенантом полиции, удалось получить доступ к документации по осмотру трупов в графстве Дейд, штат Флорида: заключения паталогоанатомов свидетельствовали, что к моменту смерти кровь Джессупа содержала смертельную долю алкоголя.

По словам миссис Генслингер, Джессуп в то время постоянно принимал лекарства, которые в совокупности с подобной дозой алкоголя могли привести к немедленной смерти, по крайней мере, этого хватило бы, чтобы полностью лишить его способности двигаться. Он попросту был не в состоянии самостоятельно сесть за руль автомобиля, не говоря уже о том, чтобы приехать за несколько километров в Каунти-Парк, составить сообщение о самоубийстве и затем укрепить шланг на выхлопной трубе своего автомобиля, прикрыв потом окошко. Кстати, полного вскрытия

так и не проводилось, что само по себе весьма необычно для случаев самоубийства.

Разбираться в том, что же произошло, не стали. Зачем? Родственников у Джессупа не осталось.

Не менее интересен и случай, произошедший с писателем Джеймсом Р. Вулфом, который некоторое время занимался расследованием загадки Альянде. Вулф начал писать книгу на эту тему, но, прежде чем книга была закончена, писатель внезапно исчез. Его искали. Безрезультатно. Не нашли ни живого, ни мертвого. Как, впрочем, не нашли и саму рукопись.

В разные годы интерес к загадке то затухал, то вновь разгорался, возникали все новые и новые вопросы. В самом деле, если Военно-морским силам действительно удалось — случайно или намеренно — добиться эффекта невидимости или даже телепортации (мгновенного перемещения материального предмета из одного пункта в другой), то не могли бы результаты подобных экспериментов послужить также объяснением целого ряда загадочных событий и многочисленных случаев бесследного исчезновения в районе Земли, который принято называть Бермудским треугольником?

Но самый главный вопрос: являются ли те письма подлинными?

Вероятны три варианта.

Первый: эксперимент с кораблем, письма Альянде и он сам — не более чем надувательство.

Второй: письма — достоверный рассказ о реальном событии.

И третий вариант: они представляют собой преувеличенный, искаженный и нацеленный на сенсацию рассказ о реальном событии.

Выбор первого варианта означает прекращение дальнейшего исследования вопроса без надлежащей проверки имеющегося материала.

Во втором или третьем случаях придется анализировать факты. Во время работы над этой темой у ее исследователей поначалу возникала такая же реакция, как и у самого Джессупа, — «история слишком невероятна, чтобы в нее можно было поверить».

Но удивительное дело — чем глубже в нее погружаешься, тем прочнее застrevает она в сознании.

Поэтому все же углубимся в детали, попробуем в краткой форме подвести итог той информации, которая содержится в письмах Альянде.

1. Альберт Эйнштейн в 1925—1927 годах создал Единую теорию поля, однако затем изъял ее из опасения, что недостаточно зрелое человечество употребит ее во зло. Для Эйнштейна подобные «изъятия» были делом обычным. Думается, этому он научился у своего старого коллеги — Николы Тесла.

По словам Альянде, это может подтвердить доктор Бертран Рассел.

2. Концепция этой Единой теории поля проворялась во время Второй мировой войны Военно-морскими силами Соединенных Штатов Америки «с точки зрения общих и конкретных возможностей применения в очень короткое время».

Некто доктор Франклайн Рено, которого Альянде характеризует как своего друга, якобы имеет

отношение к результатам на этой стадии проекта. Но других источников, где еще можно было бы найти упоминание о Рено, просто нет. По крайней мере, нам они неизвестны.

3. Эти результаты использовались для достижения «полной невидимости корабля типа эсминец с экипажем на море (октябрь 1943)» посредством создания определенного вида энергетического или силового поля вокруг корабля. Люди на корабле, вероятно, могли видеть друг друга более или менее отчетливо, но все наблюдатели, находящиеся вне поля, видели лишь резко очерченный след корпуса корабля в воде. Воздействие этого обеспечивающего невидимость силового поля на людей было, по утверждению Альянде, ужасным.

4. На морской судоверфи в Филадельфии имелся специальный причал для экспериментального корабля.

5. В одной из дневных газет Филадельфии появилась маленькая заметка, в которой говорилось о «поступках моряков после первого плавания», когда они «напали» на бар или ресторан (предположительно «Матросский отдых»).

6. Альянде утверждает, что сам частично наблюдал эксперимент в октябре 1943 года с борта корабля «Эндрю Фьюресет». По словам Альянде, присутствовали на палубе и были свидетелями эксперимента следующие люди: первый офицер Моусли; Ричард Прайс, 18- или 19-летний матрос из Роанока, Вирджиния; человек по имени Коннелли из Новой Англии (возможно, Бостон).

7. Контр-адмирал Росон Беннетт — руководитель научно-исследовательских работ Военно-

морских сил мог бы предположительно подтвердить, что эксперимент действительно имел место. Но Беннет не подтвердил, хранил тайну, не поддаваясь на «provokacii».

8. Экспериментальный корабль исчез загадочным образом из своего дока в Филадельфии и появился в районе Норфолка. Затем так же внезапно вернулся в свой док в Филадельфии. Все происходило в течение нескольких секунд.

9. Альянде намекает на то, что Управлением военно-морских исследований к моменту проведения эксперимента с силовыми полями руководил «нынешний (в момент написания письма, то есть в 1956 году) шеф Военно-морских сил Берк и что эксперимент стал возможным «благодаря любопытству и настойчивости Берка».

10. Наконец, Альянде сообщает Джессупу, помимо своего тогдашнего адреса, следующие подробности о себе: свой Z номер (416175) матроса торгового флота; тот факт, что он примерно шесть месяцев служил на «Эндрю Фьюресет»; самого себя он характеризует как «своего рода диалектика и звездочета» и сообщает, что имеет обыкновение бывать в «длительных разъездах».

Проверить все эти отрывочные сведения представлялось как в высшей степени трудоемким, так и необыкновенно интересным. Исследователям Берлицу и Муру понадобилось привлекать дополнительную информацию и советоваться со многими людьми.

Действительно ли Филадельфийский эксперимент проходил так, как его описывает Альянде?

И вспомним еще заключительные слова его третьего письма: «Возможно, Военно-морские

силы уже использовали ту транспортировочную катастрофу для постройки НЛО. С любой точки зрения это логичный следующий шаг».

Возможно. Но прежде чем предлагать возможные ответы на этот вопрос, обратимся все же к личности, которая, судя по всему, находится в центре всей этой загадочной истории, — мистеру Карлосу Мигелю Альянде.

Несмотря на многолетние и многочисленные попытки разгадать тайну писем Альянде, никому не удавалось отыскать самого таинственного господина.

Проблема еще более осложнилась с появлением в 1960-х годах нескольких «ложеальянде», готовых за соответствующую сумму продать «свою историю». К счастью, ни одного покупателя уговорить не удалось.

Поиски Альянде заняли у Берлица и Мура много дней, недель и месяцев. Трудоемкое изучение телефонных книг многочисленных городов и сельских районов, личных дел служащих армии, военного и торгового флотов, просмотр полицейских протоколов, газетных архивов и списков умерших, запросы в адрес писателей и исследователей в области необъяснимых явлений — все было тщетно. И вот — случай.

Ответ пришел от Джима Лоренцена, которому исследователи написали одному из первых. Лоренцен — директор Организации по исследованию аэрофеноменов в Тусоне, штат Аризона. Он сообщил, что их журнал в 1969 году поместил статью об Альянде, после чего у них в правлении появился человек, назвавшийся этим именем. Лоренцен даже прислал фото, запечатлевшее

Альянде во время интервью в редакции, но большего сообщить не мог, поскольку с тех пор ничего об Альянде не слышал и адресом его не располагал.

Примерно через месяц Мур обратился к Лоренцену по совершенно другому вопросу.

Прошло несколько недель, и пришло письмо от Лоренцина, в конце которого, кроме всего прочего, он сообщил, что «с сегодняшней почтой получил письмо от К.А.», и далее следовал адрес. И хотя это был не адрес самого Альянде, он все же давал след, причем настолько свежий, что Берлиц и Мур поспешили им воспользоваться, это в итоге и привело... к встрече с Альянде.

В результате бесед с Альянде выяснилось, что с августа 1943 года по январь 1944 года он служил на корабле «Эндрю Фьюресет» в качестве члена палубной команды. Об эксперименте знал лишь немногим больше того, о чем уже рассказал на эту тему в своих письмах Джессупу. Здесь нужно сделать скидку на то, что он не был ни ученым, ни даже профессионально подготовленным наблюдателем, а всего лишь простым матросом, которому волею случая суждено было оказаться в подходящее время в подходящем (или неподходящем) месте и стать свидетелем зрелища, объяснения которому он не мог найти ни тогда, ни теперь.

Действительно ли он видел, как исчез корабль?

Сам он утверждает, что — да, видел.

Каким образом это было осуществлено?

Он не может дать точного ответа, но знает, что для этого были задействованы некие силовые

поля. «Работало огромное количество статического электричества». Может ли он сообщить название корабля? Да, может: «Это был ДЕ-173». Был ли он свидетелем многократного исчезновения корабля? «Нет, не был. Но он исчезал неоднократно». Откуда сведения об Эйнштейне, Расселе и адмирале Беннетте? «От друзей в высших эшелонах, чьих имен я называть не стану». Альберт Эйнштейн, по его словам, присутствовал на определенном этапе эксперимента. Альянде также утверждает, что у него на глазах в погрузочном доке стал невидимым человек; правда, не помнит ни даты, ни того, в каком доке это случилось.

Впрочем, предоставим слово самому Альянде (магнитофонная запись одной из бесед с сотрудниками Управления морских исследований):

«Итак, вы хотите услышать о великом эксперименте Эйнштейна, да? Знаете ли, я действительно погрузил руку по локоть в его уникальное силовое поле, которое струилось против часовой стрелки вокруг этого маленького подопытного корабля — ДЕ-173. Я... ощущал давление этого силового поля на мою руку, которую я держал в его гудящем давящем потоке.

Я видел, как воздух вокруг корабля... очень легко, очень постепенно ... становился темнее, чем остальной воздух... Через несколько минут я увидел, как облаком поднимается молокообразный зеленоватый туман. Это описание очень похоже на свидетельства очевидцев случаев исчезновений в Бермудском треугольнике. Я думаю, это был туман из элементарных частиц.

Я видел, как после этого ДЕ-173 быстро стал невидимым для человеческого глаза. И при этом

остался отпечаток киля и днища этого корабля в морской воде. Да, сегодня я могу говорить об этом, но, с другой стороны, кого это теперь интересует? Если попытаться описать звук, сопровождающий это силовое поле, когда оно кружило вокруг ДЕ-173... ну, сначала был такой жужжащий звук, который быстро превратился... в гудящее шипение, а потом усилился до бурлящего грохота, как бурный поток.

Поле имело вокруг себя оболочку из чистого электричества. Этот поток был таким сильным, что почти выбил меня из равновесия. Если бы все мое тело находилось внутри этого поля, меня бы наверняка швырнуло на пол... на палубу моего собственного корабля. К счастью, не все мое тело было внутри этого силового поля, когда оно достигло максимальной силы и плотности — я повторяю, плотности, — так что меня не опрокинуло, но моя рука была вытолкнута тем полем.

Почему я не подвергся электризации, когда моя голая рука касалась этой... оболочки из электричества? Наверно, потому, что на мне были высокие матросские резиновые сапоги и зюйдвеска.

...Люди из Управления морских исследований до сих пор не знают, что в тот раз произошло. Они говорят, поле было «перекручено».

А дальше он рассказывает о газетной статье, которую читал, находясь, по его собственным словам, в увольнении на берег в Филадельфии. Правда, он признает, что слегка приукрасил свой рассказ о последствиях эксперимента для матросов. По его словам, он сделал это из опасения, что Джессуп добьется у правительства ускорения

исследований в области Единой теории поля, и просто хотел отпугнуть его. Он боялся, что результаты подобных исследований попадут в неправедные руки и будут иметь ужасные последствия.

Но тогда кто же был тем странным маленьким человеком, который в 1970 году в парке Колорадо-Спрингс рассказал свою историю пилотам Дэвису и Хьюзу? Точно не Альенде. Оба они заявили, что наверняка узнали бы того человека, увидев его еще раз, однако ни один из них не смог опознать того человека на фотографии Альенде.

Но кто?

Этот вопрос открывает новые грани загадки.

В письмах Альенде упоминает несколько имен: доктор Альберт Эйнштейн, доктор Б. Рассел; доктор Franklin Reno; первый офицер Модсли; Ричард Прайс, член команды; контр-адмирал Росон Беннетт¹; нынешний шеф Военно-морских сил Берк.

Два первых имени общеизвестны. Доктор Б. Рассел — не кто иной, как Бертран Рассел, известный писатель, философ, гуманист и пацифист, который действительно был дружен с Эйнштейном. Идентифицировать третью личность из списка оказалось не так уж просто. Понадобилось немало времени и сил, чтобы установить, что Карлос Альенде действительно был знаком с абсолютно реальным «доктором Franklinom Reno», хотя имя это в действительности оказалось псевдонимом.

¹ Беннетт Росон — руководитель научно-исследовательских работ Военно-морских сил.

Следующие три лица, по утверждению Карлоса Альенде, были моряками на борту «Фьюресета» и очевидцами эксперимента. И хотя первым офицером на «Фьюресете» действительно был Артур Модсли, попытка получить от него информацию о времени его службы на этом корабле разбилась о стену молчания.

Еще меньше мы можем сказать о Ричарде Прайсе из Роанока, Вирджиния, и «Коннелли» из Новой Англии. Короткое расследование показало, что Прайс скончался в 1973 году. Что касается Коннелли (имя которого было либо Фрэнк, либо Питер), то, видимо, излишне говорить о том, что в Новой Англии людей с такой фамилией великое множество.

Поскольку списков команды «Фьюресета» больше не существует, трудно выяснить что-либо определенное о членах экипажа, которые могли бы служить на корабле одновременно с Альенде. Настойчивые поиски выявили имена еще трех возможных членов команды — ни одного из них до сих пор разыскать не удалось.

Что касается адмирала Росона Беннетта, которого Альенде называет «руководителем исследовательских работ Военно-морских сил» и с которым он советует связаться Джессупу «для подтверждения приведенной здесь информации», то при ближайшем рассмотрении выясняется одно в высшей степени интересное обстоятельство.

Удивляет прежде всего то, что к тому времени, когда Джессуп получил второе письмо Альенде (13 января 1956 года), Беннетт действительно возглавлял Управление военно-морских исследований. Однако в должность он вступил лишь

1 января 1956 года, сменив на этом посту адмирала Фредерика Р.Ферта (того самого «адмирала Н. Ферта», которому Альенде несколькими месяцами раньше прислал снабженную пометками на полях книгу Джессупа).

Однако ведь Альенде должен был отослать письмо значительно раньше, чтобы оно окольным путем через издателя успело попасть к Джессупу 13 января! Возникает вопрос: откуда Альенде мог знать, что Беннетт станет руководителем Управления морских исследований вместо Ферта?

Если источником информации для Альенде был кто-то «наверху», то в письме имеет место досадный промах. Получается, что ошибочно его определение «нынешнего шефа Военно-морских сил Берка», который к моменту Филадельфийского эксперимента якобы возглавлял Управление морских исследований.

Хотя некий адмирал Арли А.Берк действительно существовал, однако он ни во время Второй мировой войны, ни после не имел ни малейшего отношения к военно-морским исследованиям.

В 1943 году Берк командовал эскадрой эсминцев в Тихом океане и вообще всю службу, судя по всему, провел в качестве флотского офицера.

Вместе с тем описание Берка, данное Альенде, как человека «любознательного и настойчивого», обязанного адмиральским чином своему «отношению к прогрессивным исследованиям», вполне подходит адмиралу Гарольду Боузну, который не только возглавлял Управление морских исследований к моменту Филадельфийского эксперимента, но и был движущей силой бесчисленного

множества секретных «ультрапрогрессивных» проектов Второй мировой войны.

Таким образом, в ошибке Альенде могло быть повинно некоторое сходство имен.

Но тогда почему в отношении адмирала Беннетта информация была такой точной, а во втором случае — совершенно неверной. Объяснить это можно разве что его стремлением завуалировать настоящее имя данной персоны!

Появление статьи под названием «М.К. Джессуп, письма Альенде и гравитация», изданной в 1962 году самим Крэббом, судя по всему, послужило искрой для последующей дискуссии и источником бесценного материала для каждого, кто стремился к детальному исследованию этой проблемы.

Впервые были опубликованы не только письма Альенде, но и в факсимильном варианте некоторые страницы книги Джессупа «Аргументы в пользу НЛО» с теми самыми пометками на полях.

В последних письмах к Джессупу говорится, что Т.Таунсенд Браун, известный физик и исследователь в области гравитации, по меньшей мере имел какое-то отношение к эксперименту по созданию невидимости, когда возглавлял один из отделов Корабельного бюро, и что (по словам Крэбба) в действительности именно Браун был каким-то образом связан с этим проектом, однако, как мы убедимся, не являлся автором идеи.

Вторым после Крэбба шел, пожалуй, Грей Баркер, исследователь в области «летающих тарелок» и издатель в Кларксбурге, Западная Вирджиния.

Опираясь на данные Крэбба, к которым он добавил и свои материалы, Баркер опубликовал в 1963 году работу, которая и по сей день остается одной из наиболее значительных публикаций на тему писем Альенде: «Удивительный случай доктора М.К.Джессупа».

* * *

Еще одна интересная личность — доктор Дж. Мансон Валентайн, океанограф, зоолог и археолог, который с 1945 года интенсивно изучал происходящее в Бермудском треугольнике, был близким другом Джессупа, когда тот жил во Флориде.

Джессуп, все сильней страдавший депрессией и нуждавшийся в благодарном слушателе, в последние месяцы перед своей трагической кончиной много времени проводил в обществе Валентайна, доверяя тому многие свои мысли.

«Почему, — спросили его, — Джессуп покончил с собой?»

Ответ был ошеломляющим.

«Если это было самоубийство, — сказал Валентайн, — то виной тому, видимо, депрессия. Военно-морские силы предлагали ему работать над Филадельфийским экспериментом или другими подобными проектами, но он отказался — его беспокоили опасные побочные эффекты... Возможно, его можно было спасти. Он был еще жив, когда его нашли. Возможно, ему дали умереть».

Валентайн вспоминает, что Джессуп рассказывал ему о некоторых поразительных вещах, которые узнал в связи с этим невероятным проектом.

Эксперимент, по его словам, осуществлялся с использованием магнитных генераторов, так называемых размагничивателей, которые работали на резонансных частотах и таким образом создали чудовищное магнитное поле вокруг стоящего в доке корабля.

Поражает, что сообщение Валентайна, базировавшееся на непосредственной информации от Джессупа, почти полностью совпадает с данными Альянде, согласно которым эксперимент принес поразительные результаты, но имел тяжелейшие последствия для экипажа.

«Когда начало проявляться действие эксперимента, — продолжал Валентайн, — поначалу возник непроницаемый зеленый туман. (Кстати, и выжившие в бермудских катастрофах говорили о светящемся зеленом тумане). Вскоре весь корабль оказался заполненным этим зеленым туманом и вместе с экипажем начал исчезать из поля зрения находившихся в доке людей, пока, наконец, не остался один лишь след на воде».

Валентайна попросили по возможности просто изложить суть этой теории.

«Она практически касается электрических и магнитных полей, — сказал он, — а именно: путем наведения в катушке электрического поля создается магнитное поле; силовые линии обоих полей находятся под прямым углом друг к другу. Но поскольку пространство имеет три составляющие, то должно существовать еще и третье поле, предположительно гравитационное. Тогда путем такого последовательного включения электромагнитных генераторов, при котором возникает магнитная пульсация, можно было бы, вероятно,

по принципу резонанса создать это третье поле. Джессуп считал, что Военно-морские силы столкнулись с этим случайно».

Публикация рассказа доктора Валентайна имела эффект разорвавшейся бомбы.

Допустим, что подобный эксперимент был спланирован и была проведена попытка его осуществления — мог ли он привести к успеху? Хотя бы к частичному.

Если довериться данным Карлоса Альенде и доктора Валентайна, то основы проекта Филадельфийского эксперимента следует искать в весьма туманной и в высшей степени сложной научной теории, разработанной Альбертом Эйнштейном и известной как Единая теория поля. В своем втором письме Джессупу Альенде пишет, что Эйнштейн впервые опубликовал эту теорию в 1925—1927 годах, однако затем изъял из соображений «гуманистики», как выразился Альенде. Он, правда, не объясняет, что он, собственно, имел в виду под этим термином.

Альберт Эйнштейн действительно создал в 1925—1927 годах вариант своей Единой теории поля для силы тяготения и электричества. Результаты появились в немецких научных журналах того времени. Альенде прав, утверждая, что работа была изъята как незавершенная. Примечательно, что теория эта снова всплыла на поверхность лишь в 1940 году, то есть после того, как Эйнштейн, пацифист до мозга костей, пришел к убеждению, что национал-социализм должен быть уничтожен при любых обстоятельствах и что для этого годятся любые средства. И — что поразительно — именно 1940 год, похоже, был годом,

когда Военно-морские силы Соединенных Штатов Америки начали работать над тем проектом, который впоследствии мог вылиться в Филадельфийский эксперимент...

Эйнштейн действительно был дружен с Берtrandом Расселом, особенно после начала Второй мировой войны, и часто обсуждал с ним проблемы пацифизма. Оба испытывали отвращение к достойной сожаления склонности человека использовать достижения науки для самоуничтожения, и оба отдавали делу мира значительную долю своих сил и личных материальных средств.

Заманчиво поверить в то, что Эйнштейн перед смертью уничтожал бумаги, но не будем настаивать на недоказанном факте. Единственное, что известно достоверно: Уильям Мур, один из исследователей, вспоминает дискуссию в лекционном зале после смерти Эйнштейна в 1955 году, когда говорилось о том, что Эйнштейн за несколько месяцев до смерти сжигал документы, касающиеся некоторых из хорошо проработанных им теорий, из-за того, что человечество не созрело для них и без этих теорий будет чувствовать себя лучше.

В 1943 году, то есть в то время, когда Альянде, по его словам, стал свидетелем проведения Филадельфийского эксперимента, Альберт Эйнштейн был научным советником Военно-морских сил. Документы Управления администрации общих служб в Сент-Луисе сообщают, что Эйнштейн с 31 мая 1943 года по 30 июня 1944 года состоял на службе в морском министерстве в Вашингтоне в качестве научного работника.

Комментарии самого Эйнштейна по этому поводу достаточно сухи, но небезынтересны. В июле 1943 года он писал своему другу Густаву Бакли: «Пока идет война и я работаю для Военно-морских сил, я не хотел бы заниматься ничем другим».

В августе он снова написал Бакли и рассказал об установившихся тесных связях с бюро Военно-морских сил по научно-исследовательской работе. В том же месяце доктор Ранневар Буш направил его в распоряжение одного комитета, «где, в высшей степени вероятно, были бы полезными его особые знания». Ни род деятельности «комитета», ни характер соответствующих знаний никогда не раскрывались.

На запрос в адрес доктора Отто Натана, финансового советника и исполнителя завещания Эйнштейна, о том, насколько тесными были отношения Эйнштейна с Военно-морскими силами, пришел весьма неожиданный ответ. «Эйнштейн, — сообщал он, — в 1943 году был советником Директивного бюро Военно-морских сил и завершил свою работу для Военно-морских сил, насколько нам известно, задолго до окончания войны... Если Вас интересуют детали, советуем Вам связаться с морским министерством в Вашингтоне. Поскольку работа Эйнштейна отнюдь не носила секретного характера, Вам могли бы предоставить там более точную информацию о его консультативной деятельности, которую мы не смогли получить, когда готовили к публикации отчетный доклад».

Читатель, видимо, удивлен: почему, раз деятельность Эйнштейна «отнюдь не носила секретного характера», Военно-морские силы ока-

зались не готовы предоставить подробную информацию?

Похоже на то, что Эйнштейн имел отношение не только к математическому обоснованию проекта, но и к самому эксперименту. По некоторым сведениям, после того, как первый опыт оказался неудачным, чиновники морского министерства привезли Эйнштейна на место событий, чтобы получить от него дополнительные рекомендации по принципу: «Теперь, когда Вы сами все увидели, объясните-ка нам, в чем наша ошибка!»

Так что же такое Единая теория поля?

Как объясняют Берлиц и Мур, смысл теории состоит главным образом в том, чтобы с помощью одного-единственного уравнения объяснить математическим путем взаимодействие между тремя фундаментальными универсальными силами — электромагнетизмом, силой тяготения и ядерной энергией. Примечательно, что одновременное открытие двух новых элементарных частиц в Нью-Йорке и Калифорнии в 1974 году позволяет предположить, что существует четвертая «слабая» универсальная сила, связанная с силой тяготения так же, как электричество с магнетизмом. Пока неизвестно, имеет ли это поле межпространственный или временной характер. Если допустить возможность полной разработки подобной теории, то ее окончательные уравнения должны включить в себя также световые и радиоволны, чистый магнетизм, рентгеновские лучи и даже саму материю. Непомерную сложность подобной проблемы можно приблизительно представить себе, если вспомнить, что Эйнштейн львиную долю своей жизни посвятил

достижению подобной цели и даже на склоне лет часто сетовал на то, что недостаточно владеет математикой, чтобы выполнить эту задачу.

Некоторые исследователи склонны считать, что даже спустя десятилетия после смерти Эйнштейна значительная часть труда его жизни остается малопонятной даже для наиболее выдающихся ученых. Если Филадельфийский эксперимент действительно подтвердил некоторые из его теоретических построений, то знание об этом настолько закамуфлировано, что и сегодня его концепция Единой теории поля рассматривается более как цель, нежели как реальная теория. И это несмотря на тот факт, что Эйнштейн менее чем за два года до смерти объявил об «исключительно убедительных» результатах поиска математических доказательств взаимосвязи между электромагнетизмом и силой тяготения. Это согласуется с заявлениями Альенде по поводу завершенности Эйнштейновой Единой теории поля.

Как бы интересны ни были теоретические открытия, истинное внимание могут пробудить только наглядные практические результаты. Так не были ли подобные результаты достигнуты уже тогда, в 1943 году, когда Военно-морские силы Соединенных Штатов Америки предприняли попытку использовать некоторые из названных принципов, чтобы сделать тот корабль невидимым или даже телепортировать его, как утверждает Альенде? Или эксперимент оказался в чем-то неудачным, и это привело к роковым последствиям? Таким последствиям, которые — если можно верить тому, что было рассказано в свое время Дэвису и Хьюзу в Колорадо-Спрингс, —

могли даже привести к контактам с неземными существами?

Может быть, Альенде был прав, намекая в заключительных строках своего письма Джессупу на возможную связь результатов секретных экспериментов Военно-морских сил с движущей силой НЛО? Или все это было не более чем миражом — одним из тех «кораблей-призраков», которые внезапно появляются в морском тумане и столь же внезапно исчезают?

Наши поиски ответа на этот вопрос ведут нас в Государственный архив в Вашингтоне.

Так уж получается — в нашем повествовании слишком много «если». И вот, снова... Если необычный рассказ Альенде правдив, и DE-173 действительно был невидимым, и если люди с «Эндрю Фьюресет» могут подтвердить реальность эксперимента, то, значит, должны сохраниться какие-нибудь документы, касающиеся этих судов. Архивы и явили свету факты, но какие?

Во-первых, оказалось, что существует, видимо, не один, а два корабля под названием «Эндрю Фьюресет». Один из них — рудовоз, очевидно, и сегодня бороздящий воды Тихого океана; его мы спокойно можем сбросить со счетов, поскольку он был принят в эксплуатацию лишь после Второй мировой войны.

Второй представляет собой военный корабль, к которому как раз подходят данные, приведенные Альенде.

Архивные документы позволили установить следующее. Название «Эндрю Фьюресет» было предложено в июле 1942 года комиссии по судоходству США тихоокеанским профсоюзом моря-

ков в честь основателя и многолетнего председателя этой организации. В октябре того же года под номером 491 корабль сошел со стапелей верфи № 1 фирмы «Кайзер индастриз» в Ричмонде, Калифорния. Как и писал Альянде, корабль вскоре после этого был передан в аренду «Мэтсон навигейшн компани» в Сан-Франциско, которая эксплуатировала его в течение последующих четырех лет.

13 августа 1943 года «Эндрю Фьюресет» вышел в очередное плавание — на этот раз вдоль побережья к портам Норфолка и Ньюпорт-Ньюс, где принял груз для дальнейшего трансатлантического похода. И с этого момента он становится для нас особенно интересным, поскольку одним из членов палубной команды, нанятой для этого плавания, был молодой человек, только что закончивший мореходную школу и внесенный в списки под именем Карл М. Аллен. Особенno важен тот факт, что он получает разрешение подняться на борт судна лишь в Норфолке — так что он преодолевает расстояние до него по суше, остановившись на ночлег в Филадельфии. В гавань Норфолка он прибывает утром 16 августа — вполне своевременно, чтобы успеть подняться на борт, прежде чем «Фьюресет» в 10.18 выйдет из Ньюпорта-Ньюс. Это было его третье плавание в составе конвоя. Порт назначения — Касабланка.

4 октября «Фьюресет» снова встает в док Ньюпорта-Ньюс для ремонта и погрузки и остается там до 25 октября. В этот день он снова отправляется из Норфолка в Северную Африку, и снова в списках команды фигурирует имя Карл М. Аллен. 12 ноября судно достигло Оранской гавани и не воз-

вращалось в какой-либо из американских портов до 17 января 1944 года. Несколько дней спустя член команды по имени Карл М. Аллен покидает борт «Фьюресета». Он, как считается, переходит на другой корабль — «Ньютон Бейкер».

Что касается конвойного эсминца DE-173, он же «Элдридж», то у него, как свидетельствуют официальные документы, история внешне вполне безоблачная. Строительство судна началось 22 февраля 1943 года в «Федерал шипбилдинг энд драйдокс», Ньюарк. Длина судна составляла 102 метра, стандартное водоизмещение — 1240 тонн, полное водоизмещение 1520 тонн.

Примерно через пять месяцев, 25 июля, корабль сошел со стапелей.

Официальная церемония приема в эксплуатацию состоялась 27 августа 1943 года в Нью-Йоркском морском порту, и командование передано капитан-лейтенанту Чарлзу Р. Гамильтону.

Сначала «Элдридж» плавал в Атлантике и Средиземном море, а затем, выполняя свои эскортные и разведывательные обязанности, был откомандирован в Тихий океан, где и оставался до окончания войны. По возвращении в Нью-Йорк он 17 июля 1946 года был выведен из эксплуатации и до 15 января 1951 года поставлен в док, чтобы затем в рамках двустороннего оборонительного соглашения быть проданным Греции. Там он был переименован в «Леон» и мог еще какое-то время находиться в эксплуатации.

Все чинно и гладко и вроде бы нет причин для проверки, если бы не рассказ Альянде об этом корабле. Если же рассматривать его в свете информации Альянде, то эта официальная история

«Элдриджа» предстает «лоскутным одеялом» со множеством прорех.

Придется начать сначала. Первые подозрения, что не все было так, как описывается в официальных бумагах, появились, когда исследователи попытались раздобыть судовые журналы обоих кораблей. Тут Берлица и Мура поджидали сюрпризы. Оказалось, что судовые журналы «Элдриджа» за период с момента приема в эксплуатацию (27 августа 1943 года) до 1 декабря 1943 года «найти, а следовательно, предоставить в Ваше распоряжение не представляется возможным». А вахтенные журналы «Фьюресета» были уничтожены по приказу свыше, то есть попросту более не существуют.

Поскольку единственным представляющим интерес для нашего расследования промежутком времени был тот, в который Альянде служил на «Фьюресете» — то есть примерно с 13 августа 1943 года по 30 января 1944 года, — то исследователи попытались максимально сфокусировать внимание именно на этом отрезке. Вот что из этого вышло.

Из документов, до сих пор находящихся в распоряжении судоходной компании «Мэтсон», следует, что за этот период «Фьюресет» совершил два плавания к берегам Северной Африки; первое началось 13 августа 1943 года, когда «Фьюресет» вышел из Норфолка на юг вдоль побережья и оттуда дальше в Северную Африку; во время второго вояжа он вышел из Линхейвен-Роудз, Вирджиния (близ Норфолка) в Оран, Алжир. Для Альянде первое плавание началось не раньше 16 августа. Второе плавание закончи-

лось для него, когда он за несколько дней до прибытия «Фьюресета» в Хэмптон-Роудз 17 января 1944 года покинул корабль.

Согласно официальной истории «Элдриджа», как она представлена в документах морского министерства, корабль был спущен на воду 25 июля 1943 года в Ньюарке, Нью-Джерси, и принят в эксплуатацию 27 августа 1943 года в Нью-Йоркском морском порту. Его разведывательная миссия началась в начале сентября, распространялась на район Бермуд, Британские Вест-Индские острова и продолжалась до 28 декабря 1943 года. Те же документы свидетельствуют, что его первое трансокеанское плавание началось 4 января 1944 года и завершилось прибытием в Нью-Йорк 15 февраля.

Если принять на веру эти данные, то, выходит, в этот промежуток времени ни один из интересующих нас кораблей не приближался к другому.

Вопрос только в том, насколько надежна эта информация. Первая порция данных, обнаруженных в архивах, до недавних пор оставалась секретной, и именно она, похоже, полностью дискредитирует официальную версию. Это рапорт о противолодочной акции, составленный командиром «Элдриджа» 14 декабря 1943 года и касающийся событий 20 ноября в Северной Атлантике. Согласно официальным данным, «Элдридж» с начала сентября до конца декабря 1943 года находился с разведывательной миссией в районе Бермуд; его первое трансокеанское плавание началось 4 января 1944 года. Но, согласно оперативному докладу командира корабля капитан-лейтенанта Ч.Р. Гамильтона, «Элдридж» 20 нояб-

ря 1943 года вскоре после 13.30 местного времени сбросил семь глубинных бомб против предполагаемой подводной лодки противника, двигаясь в качестве эскортного корабля в составе конвоя UGS 23 на запад, в направлении США. Приведенные в докладе координаты «Элдриджа» составляли 34 градуса 3 минуты северной широты и 8 градусов 57 минут западной долготы — это означает, что он находился на удалении около двухсот миль от Касабланки и около трех тысяч миль от Бермуд!

И вторая порция сведений: в то время как палубные вахтенные журналы оставались недоступными, отыскался инженерный вахтенный журнал. В нем, правда, не содержалось информации, непосредственно необходимой для решения вопроса, однако приводились координаты корабля по спорным датам. Эти и другие документы, попавшие на глаза почти одновременно, свидетельствовали, что «Элдридж» 2 ноября вышел из Бруклина, чтобы собрать корабли из конвоя UGS 22, рассеянные ураганом в конце октября. И это была действительно ценная информация, ибо речь шла о том самом конвое, что вышел 25 октября из Норфорка — Линхейвен-Роудз и в составе которого находился «Фьюресет». Самое интересное здесь то, что «Фьюресет» шел в последнем ряду конвоя, догоняя отставших, и наверняка должен был видеть DE-173. Кроме того, приведенное на 22 ноября местонахождение «Элдриджа» близ Касабланки указывает на то, что «Элдридж» сопровождал «Фьюресет» и его конвой UGS 22 на всем пути до Северной Африки (куда конвой, как известно, прибыл 12 ноября) и находился в ка-

честве эскорта UGS 23 на обратном пути, когда произошла встреча с упомянутой подводной лодкой. Если бы не удалось обнаружить оперативный доклад, который морское министерство продержало под замком тридцать четыре года, эти вещи так и не выплыли бы на свет. После того, как в официальной версии обнаружилась такая «ошибка», возник вопрос о других «ошибках».

Таким образом, «Фьюресет» и «Элдридж», судя по всему, встретились во время конвойной миссии на пути в Африку. Вопрос лишь в том, решились бы Военно-морские силы на проведение столь рискованного и совершенно секретного эксперимента на виду целого конвоя. Кроме того, Альянде настаивает на том, что эксперимент проводился в доках Филадельфии и на море, то есть у побережья материка.

Указанные им временные данные — конец октября — согласуются со сроками проведения конвойной операции, а вот в остальном согласования нет.

Во-первых, «Элдридж», видимо, шел из Бруклина, а не из Филадельфии, когда присоединился к конвою USG 22. В судовых документах за этот промежуток времени нигде не упоминается, что «Элдридж» вообще был в Филадельфии — кроме того времени, когда он строился в Ньюарке. Альянде также сообщал, что читал о последствиях эксперимента в одной из дневных газет Филадельфии. Однако Альянде (или Аллен) в октябре 1943 года вообще не был в Филадельфии. Но он был там в августе — примерно в то время, когда «Элдридж» якобы ждал в Ньюарке приказа отправиться в Нью-Йорк для церемонии приема

в эксплуатацию. В письме же он сообщает, что эта газетная статья появилась осенью или зимой, а не летом. Если эту подробность списать на несовершенство человеческой памяти, то все остальное приобретает некоторый смысл.

Пока раскручивалась эта цепочка, исследователи получили письмо от одного бывшего командаира корабля, припоминавшего, что «Элдридж» вскоре после первого урагана сезона 1943 года подошел к Бермудам в конце июля или начале августа. Там он недолго простоял на якоре рядом с его кораблем и снова вышел в море.

Что и говорить, необычное поведение, но еще необычнее то, что тот корабль, если это был «Элдридж», появился у Бермуд всего через несколько дней после спуска на воду в Ньюарке, то есть в то время, когда строительные работы еще не должны были завершиться.

Значит, или командир ошибся, или ... «Элдридж» был спущен на воду в Ньюарке до 25 июля. Документы американских Военно-морских сил такую возможность исключали.

Ну а как насчет греков?

Здесь ждал новый сюрприз, ибо, согласно греческим документам (которые они, естественно, должны были получить от американцев), спуск «Элдриджа» на воду состоялся не 25 июля, а 25 июня, то есть на целый месяц раньше! Более того, греческие документы показывают, что «Элдридж», когда он в 1951 году передавался Греции, имел стандартное водоизмещение 1240 тонн и полное 1900 тонн, что дает отклонение примерно в 380 тонн. Уж не электронное ли оборудование

ние было снято с него, прежде чем он был передан Греции?..

Теперь история постепенно проясняется. «Элдридж» сошел со стапелей не 25 июля, а 25 июня 1943 года, и район Ньюарк — Филадельфия был местом его приписки до отплытия в августе на церемонию приема в эксплуатацию; в конце июля — начале августа он находился в море и дошел как минимум до Бермуд, а официальная версия периода до 4 января 1944 года наверняка фальшивая.

Вооружившись этим подтверждающим материалом, Уильям Мур обратился к одному авторитетному лицу, оказывавшему ему и раньше небольшие услуги. Этот человек, который в силу определенных обстоятельств должен оставаться инкогнито, во время войны был занят в радиолокационной программе Военно-морских сил, причем на такой должности, что в случае существования проекта, подобного Филадельфийскому эксперименту, неизбежно был бы с ним связан. В конце концов, он согласился ответить на некоторые вопросы.

Вопрос: Расскажите, пожалуйста, каким путем можно было получить подопытный корабль для этого проекта?

— В 1943 году было очень трудно получить корабль для экспериментальных целей. Сразу же после приема в эксплуатацию корабли становились составной частью оперативных планов, и было практически невозможно использовать их для экспериментов. Наиболее простым и практически единственным способом заполучить ко-

рабль было воспользоваться им на короткое время в период между спуском на воду и приемом в эксплуатацию. Простым этот путь не был никогда и требовал определенных маневров в высших эшелонах, но это было реальным, разумеется, если ученым удавалось убедить высокопоставленных лиц в целесообразности и перспективности проекта.

Вопрос: Если учесть, что в середине 1943 года появился заметный прогресс в проекте «Манхэттен» и он начал поглощать значительную часть средств, направляемых на военные исследования, то не были ли 1943 год наиболее критическим для значительной части других совершенно секретных оборонных проектов?

— Да, где-то в 1943 году начались явные перемены в отношении к текущим проектам и идеям. К тому времени уже забрезжил конец войны, а потому решающим вопросом к ученым стал следующий: «Можете ли вы добиться результатов до конца войны, чтобы их еще можно было использовать?» Те, кто был не совсем уверен в своих проектах, подталкивались к проведению срочных экспериментов и испытаний, чтобы можно было лучше оценить возможности их практического применения. Проекты малоперспективные откладывались в сторону «для более позднего использования».

Вопрос: Если экспериментаторам тогда вообще удалось заполучить корабль, значит, военная и научная администрация придавала ему большое значение?

— Я полагаю, что ученым Военно-морских сил было сказано примерно следующее: «Если вы в этом году можете провести испытание, то мы вас поддержим. Если нет — прекращаем. Наше участие в этом деле зависит исключительно от результатов испытания».

Вопрос: Не припомните ли, как начался этот проект, кто за ним стоял и чего хотели в итоге достичь?

— Я не имею ни малейшего представления о происхождении этого проекта или о запуске его в работу. Ведь я имел отношение к этому лишь в самом конце. Я полагаю, им каким-то образом удалось достать корабль на ограниченное время в Филадельфии или Ньюарке, вероятно, всего на две-три недели, и мне кажется, что они провели несколько испытаний как на реке Делавер, так и у побережья — в первую очередь с целью выяснить влияние сильного магнитного силового поля на локационные установки. Большего я вам сообщить не могу — я этого попросту не знаю. Мое предположение — я подчеркиваю, предположение, — состоит в том, что вся принимающая аппаратура была размещена на других кораблях и вдоль побережья, чтобы выяснить, что происходит «на той стороне» при прохождении через поле как радио-, так и низко- и высокочастотныхadarных волн. Несомненно, ученыe должны были наблюдать за тем, какое влияние это поле будет оказывать на видимый свет.

Но мне представляется в высшей степени маловероятным проведение подобных экспериментов на корабле, который официально принят в эксплуатацию и укомплектован экипажем.

Ценность этой информации в указании почти точного времени проведения Филадельфийского эксперимента и, возможно, того, что по меньшей мере часть его проходила в районе Филадельфии — Ньюарка. Может быть, свои наблюдения Альянде сделал именно тогда, а не во время второй встречи с «Элдриджем» в ноябре.

Теперь, после оценки информации, содержащейся в сохранившихся судовых документах, нужно обратиться к тому пункту в письмах Альянде, который, если бы ему нашлось подтверждение, мог бы дать ключ к решению всей загадки.

Читатель, видимо, помнит, что Альянде в своем втором письме к Джессупу утверждал, что Эйнштейнова Единая теория поля не только была готова в период 1925—1927 годов, но и вся она была подвергнута морским министерством «тщательному перерасчету... с точки зрения всех возможностей быстрого использования... в самое короткое время». Если можно верить Альянде, то именно результаты этого математического анализа, по всей вероятности, составили теоретическую базу Филадельфийского эксперимента. Вполне вероятно, Альянде мог сообщить Джессупу имя некоего ученого, якобы участвовавшего в этом перерасчете. Этого человека Альянде представляет как доктора Франклина Рено и походя именует его «мой друг».

Вот если бы разыскать этого доктора Рено...

До сих пор это никому не удавалось. Потому решили, что если этого загадочного человека найти невозможно, то вся история — не более чем блеф.

И вот после нескольких лет поисков загадку личности таинственного Рено удалось решить.

В Северо-Восточной Пенсильвании на федеральной дороге № 62 стоял дорожный указатель «Франклайн — 8, Рено — 3», указывающий расстояние от поворота до этих двух небольших городков. Этот вот указатель и вдохновил более тридцати лет назад одного в высшей степени реального ученого на создание эффектного псевдонима.

Если Франклайн Рено — псевдоним, то кто эта реальная персона? Какое отношение она имеет к Карлосу Мигелю Альянде? Могла ли она внести вклад в эту историю, и если да, то какой?

К сожалению, история настолько щекотливая, что на эти вопросы даже сегодня нельзя дать полного ответа по причинам, которые скоро станут понятны читателю. И хотя человека, которого Альянде знал как д-ра Рено, уже нет в живых — он умер в конце 70-х годов, — У.Муру, одному из тех, кто занимался расследованием, было предъявлено требование соблюдать полную анонимность со стороны еще живых участников событий. Мур условно назвал этого человека «доктор Райнхарт», это имя он почерпнул из недавно опубликованной беллетризированной версии Филадельфийского эксперимента.

Родился он чуть позже Морриса Джессупа в совершенно другой части страны. Проработав несколько лет — с блестящими результатами — в одном частном научном учреждении и получив докторскую степень, он в 30-е годы, во времена Депрессии, вынужден был наряду со многими другими, включая Джессупа, работать в военно-

научных учреждениях американского правительства. Довольно быстро продвинувшись по службе, стал руководителем отдела и, будучи на этом посту, вошел в соприкосновение с проектом, который по всем признакам и явился началом Филадельфийского эксперимента.

Когда он стал подозревать, что знает больше, чем следовало бы, он решил «лечь на грунт». Удалившись чуть ли не на другой конец континента, он отказался от блестящей и многообещающей карьеры и поселился в маленьком уютном бунгало, стал отшельником.

Вот запись беседы У. Мура с затворником, согласившимся на встречу после почти годичной предварительной переписки.

«Вам, разумеется, известно, — начал он, — что всякий эксперимент начинается с идеи, затем из нее появляется предложение, возможно, с уже проведенными расчетами, затем проект и, наконец, эксперименты. В начале с ними было связано лишь очень небольшое число людей. У большинства были разнообразные первоочередные обязанности, от которых им прежде надо было освободиться.

;

Единая теория поля так и осталась незавершенной даже сегодня. По моему мнению, никто не может по праву утверждать, что провел полный перерасчет этой теории.

Я помню конференции во время войны, в которых принимали участие морские офицеры. В отношении интересующего вас проекта память подсказывает мне, что начинался он гораздо раньше 1943 года — возможно, еще в 1939-м или 1940-м годах, когда Эйнштейн занимался

проработкой идеи теоретической физики, представленной ему физиками и другими людьми, которые думали об их военном использовании. Авторами этого предложения были Эйнштейн и Ладенбург. Не знаю, кого из них двоих следует поставить первым, но помню, что профессор Рудольф Ладенбург и Эйнштейн были знакомы еще с 1908 года по Швейцарии. Ладенбург был молчаливый сверхпунктуальный человек с манерами прусского дворянина, но он пользовался исключительным уважением коллег как спокойный одиночный мыслитель и труженик.

Ладенбург все лето и осень 1939 года проработал в Принстоне над экспериментами в области расщепления ядра. По-моему, я читал, что он обсуждал эти проблемы с Эйнштейном. Во всяком случае, я помню, что это было где-то в 1940 году, а предложение, которое я связываю с последующим корабельным проектом, было якобы результатом беседы между Ладенбургом и Эйнштейном об использовании электромагнитных полей для защиты от мин и торпед... и Эйнштейн сам написал предложение... Эйнштейн и Ладенбург всегда были впереди, когда речь шла о подаче предложений, но перед важными персонами предпочитали держаться в тени. Джон фон Нейман (крупнейший математик, один из основоположников теории цифровых вычислительных машин) был скромного вида человек, который умел вовлекать в свои проекты власть имущих.

Так вот, именно Нейман говорил с доктором Альбрехтом, моим шефом, об этом предложении, и кто-то из них смог получить практическое со-

гласие от исследовательской лаборатории Военно-морских сил.

Как-то в начале 1940 года Альбрехт пришел в восемь утра в свое бюро и увидел там двоих или троих посетителей из НКОИ (Национальный комитет оборонных исследований), которые уже ждали его. Это событие не было из разряда особых, и я не придал ему большого значения. Однако примерно в половине десятого в дверь заглянул капитан Гиббонс. Он поднял палец, что было для меня сигналом выйти в коридор, поскольку он хотел что-то сообщить мне без свидетелей. Я вспоминаю об этом потому, что как раз занимался довольно сложной теоретической работой и собирался связаться с расчетчиками.

Я понял, что речь идет о чем-то довольно важном, прервал работу и вышел в коридор. Гиббонс проводил меня в бюро шефа, где была конференция, в которой, с одной стороны, принимали участие двое людей (или все же трое?) из НКОИ, а с другой — Альбрехт и фон Нейман.

Когда я вошел, они оживленно обсуждали то, что в итоге стало проектом, который вас интересует. Альбрехт, видимо, считал, что я — единственный, кто достаточно разбирается в гравитации и теории относительности, чтобы без лишних вопросов представить математические выкладки, которые ему требовались немедленно.

Перед Альбрехтом лежали три листка бумаги, один из которых был исписан мелким витиеватым почерком, характерным только для Эйнштейна. Альбрехт дал мне взглянуть на листки, не прерывая своего разговора. Одновременно он давал мне инструкции о том, что от меня требуется. На

одном из листков было уравнение волнового излучения, а с левой стороны — какие-то незаконченные каракули. Кроме того, он пододвинул мне довольно подробный отчет по военно-морским размагничивающим установкам, и я помечал карандашом те места, куда он указывал пальцем. Затем Альбрехт сказал, чтобы я взглянул, что необходимо для достижения, по-моему, 10-процентной кривизны света. На мой вопрос, сколько мне на это дается времени, он ответил «недолго». После чего продолжил разговор с присутствующими.

Здесь дискуссия повернулась к принципам резонанса и к тому, как, используя этот принцип, создать интенсивные поля, необходимые для подобного эксперимента. Я так и не получил настоящего ответа на свой вопрос о том, сколько времени в моем распоряжении, но Альбрехт уже сделал мне знак, чтобы я шел и принимался за работу. Так что я вернулся по коридору к капитану Гиббонсу и сказал ему: «Как вы думаете, когда Альбрехт должен получить все это?» Гиббонс на секунду задумался и сказал: «Я отведу вас в офицерский клуб, тогда у вас в распоряжении будет еще и обеденное время, но не больше.

Итак, в час или в два, не позже».

Судя по всему, обед прошел очень быстро, ибо в 1.15 Гиббонс уже вернулся, а работа моя была в самом разгаре. Я объяснил ему, что хочу составить памятную записку и сделать машинописную копию и что я управлюсь к трем часам, если он до тех пор сумеет задержать остальных. Гиббонс ответил, что так дело не пойдет и что не может быть и речи о печатной копии. Пусть все остается как

есть, написанное карандашом. «Чуда, — сказал я, — они все время хотят чуда! Послушайте, дайте мне еще минут двадцать пять, и я посмотрю, что можно сделать». Гиббонса это явно не обрадовало, но что ему оставалось делать, если он хотел получить результаты? Пришлось согласиться.

Все же я составил две небольшие таблицы и несколько пояснительных предложений к ним. Когда мы вернулись к Альбрехту, он быстро взглянул на мою работу и сказал: «Вы сделали это относительно интенсивности поля на разном удалении от борта корабля, а про нос и корму, похоже, забыли?» Альбрехт всегда был педант. Я не учел этих частностей, потому что не знал точно, что от меня требуется, да и времени на такую работу было меньше, чем нужно. Все, что я мог предложить, были точки наибольшего искривления непосредственно за бортом судна напротив этих установок.

Альбрехту нужны были расчеты для проверки силы поля и практической вероятности такого искривления света, чтобы можно было достичь желаемого эффекта миража. Клянусь Богом, они не имели понятия, что из этого может выйти! Если бы они знали, то дело тогда же и закончилось бы.

Движущей силой на тот момент времени, думаю, были НКОИ и Ладенбург или же фон Нейман. Они обсуждали все с Эйнштейном, и тот даже просчитал порядок величин, необходимых для достижения нужной интенсивности, после чего говорил с фон Нейманом о том, какие установки смогут лучше всего продемонстрировать возможности практического использования. Я не помню точно, когда подключилась лаборатория

военно-морских исследований, но капитан Парсонс, один из ведущих специалистов Военно-морских сил, весьма часто разговаривал с Альбрехтом — возможно, что речь шла и об использовании корабля.

Единственное, что у меня сохранилось от этого в письменном виде, — фрагменты уравнений Альбрехта и некоторые маленькие таблицы».

Мур спросил Райнхарта: «Не вспомните ли, как могло звучать кодовое наименование проекта?» — Райнхарт на секунду задумался.

«Вы помните, — сказал он, — что Альбрехт и Гиббонс запретили делать машинописные копии, а были лишь написанные карандашом памятные записки.

По-моему, я в одном из документов употребил слово «отклонение». Я также помню, как во время одного более позднего обсуждения сказал, что можно сделать корабль невидимым с помощью обычной легкой дымовой завесы и что не понимаю, зачем было обращаться к такой сложной теоретической проблеме. В ответ Альбрехт глянул на меня поверх очков и сказал, что у меня исключительный талант отвлекать людей от темы. По-моему, кодовое наименование придумывали люди из НКОИ. У меня в памяти в этой связи сохранилось нечто вроде «радуги» или «фата-моргана».

Я присутствовал еще по крайней мере на одной конференции, на повестке дня которой стояла эта тема. Мы пытались выявить наиболее очевидные побочные эффекты, которые могли быть вызваны подобным экспериментом. При этом речь шла о «кипящей воде», об ионизации окружающего воздуха и даже о «зет-изации» атомов,

но никто в то время не мог учитывать возможность межпространственных эффектов или смещения массы. В 1940 году ученые относили подобные вещи к разряду научной фантастики. Мы написали попавшее в итоге в НКОИ предостережение, что все это необходимо принимать в расчет и что вообще все это дело требует величайшей осторожности.

Я еще припоминаю несколько последующих обсуждений этой проблемы, но детали уже довольно расплывчаты. Но я очень хорошо помню, что на протяжении нескольких недель после встречи в бюро Альбрехта от нас постоянно требовали таблицы, касающиеся резонансных частот света в видимом диапазоне. Часто этому не было никакого объяснения, но, судя по всему, связь все же существовала.

Макетные испытания, кстати, могли бы проводиться в макетном бассейне Тейлора, а может, и нет, так как я не уверен, что там были подходящие условия. Часть работы определенно была проведена в Анаэостиия-Бей — там проводилось большинство ранних локационных работ».

«Как вы думаете, каким образом они сумели раздобыть корабль для настоящих испытаний?» — спросил Мур.

«Вопрос как раз кстати. Я уже думал поделиться с вами вот каким предположением. Капитан Парсонс (тот самый У.С. Парсонс, который привел в боевое положение атомную бомбу на борту самолета перед тем, как она была сброшена на Хиросиму) мог сыграть определенную роль в том, чтобы этот проект получил продолжение как реальный эксперимент с кораблем, а не просто

с макетом... Я припоминаю, как в 1939 году во время одной конференции мое начальство высказало мысль, что никто, кроме Парсонса, не смог бы добиться от Корабельного бюро разрешения на испытания нового оборудования в реальных условиях на борту корабля... В то время Парсонс был еще капитаном второго ранга и самым блестящим среди всех выпускников Военно-морской академии со статусом ученого-экспериментатора.

Да, кстати, о торговом корабле, который мог использоваться в качестве корабля наблюдения... думаю, что здесь, возможно, не обошлось без помощи адмирала Джерри Лэнда, начальника Морской комиссии США. Он был довольно непробиваемый, но часто помогал, особенно если Военно-морские силы отказывали. Было немало случаев, когда нам удавалось добиться от Морской комиссии разрешения на проведение испытаний нового оборудования на торговых кораблях вопреки желанию Военно-морских сил».

После этой беседы У. Муру удалось еще несколько раз обменяться с Райнхартом письмами, а потом доктор скоропостижно скончался.

Итак, была ли возможность практического использования того рода энергий и силовых полей, которые, согласно имеющейся информации, применялись в ходе Филадельфийского эксперимента для придания невидимости?

Некоторый свет на эту проблему проливает биография не столь уж известного, но в высшей степени талантливого американского физика и изобретателя Томаса Таунсенда Брауна — че-

ловека, сыгравшего, как и доктор Райнхарт, определенную роль в проекте.

Он рано проявил большой интерес к космическим полетам, что в то время, когда даже успехи братьев Райт воспринимались скептически, считалось чистым фантазерством. Его юношеское увлечение кажущимися наивными в то время знаниями о радио и электромагнетизме впоследствии сослужило ему неоценимую службу, дав базовые сведения по этим областям науки. В процессе своего «экспериментаторства» он однажды раздобыл трубку Кулиджа [Американский физик и химик Уильям Кулидж предложил рентгеновскую трубку с термокатодом из тонкой вольфрамовой спирали, так называемую трубку Кулиджа], которая потом привела его к удивительному открытию. Браун интересовался не рентгеновскими лучами как таковыми. Он хотел установить, не могут ли исходящие из трубки Кулиджа лучи оказывать полезное действие.

Он сделал то, о чем пока не думал ни один учёный его времени: укрепил трубку Кулиджа на чувствительнейшем балансире и начал испытывать свое устройство. Однако в какую бы сторону он ни поворачивал аппарат, он не мог установить какого-либо измеримого действия рентгеновских лучей. Но неожиданно его внимание привлекло странное поведение самой трубки: всякий раз, когда он включал трубку, она производила некое поступательное движение, словно аппарат пытался продвинуться вперед. Ему понадобилось много усилий и времени, прежде чем он нашел объяснение. Вновь открытый феномен не имел ничего общего с рентгеновскими лучами — в его

основе лежало высокое напряжение, используемое для образования лучей.

Браун провел целую серию экспериментов, чтобы установить природу этих новых, открытых им «сил», и в конце концов ему удалось сконструировать прибор, который он назвал «гравитор». Его изобретение имело вид простого бакелитового ящика, но стоило положить его на весы и подключить к источнику энергии напряжением 100 киловольт, как аппарат в зависимости от полярности прибавлял или терял примерно один процент своего веса.

Браун был убежден, что открыл новый электрический принцип, но не знал, как его толком использовать. Несмотря на то что о его работе сообщили некоторые газеты, никто из видных ученых не выказал интереса к его изобретению, чему, впрочем, удивляться не приходилось — тогда Браун как раз заканчивал среднюю школу.

В 1922 году он поступил в Калифорнийский технологический институт в Пасадене. Но там его работам никто не придал значения.

Не сдавая позиций, Браун в 1923 году переходит в Кенионский колледж в Гамбieri, Огайо, проводит там один год, а затем отправляется в Денисоновский университет в Грэнвилле, тоже в Огайо, где на физическом отделении изучает электронику. Его учителем был доктор Пауль Альфред Бифельд, профессор физики и астрономии и один из восьми бывших одноклассников А. Эйнштейна по Швейцарии.

В отличие от своих коллег по Пасадене Бифельд проявил большой интерес к открытию Брауна, и оба — профессор и студент — проводили

эксперименты с заряженными электрическими конденсаторами и разработали физический принцип, ставший известным как эффект Бифельда-Брауна. Сутью этого эффекта была тенденция заряженного электрического конденсатора к движению в направлении своего положительного полюса — тому самому движению, которое Браун когда-то обнаружил у трубы Кулиджа.

По завершении образования Браун четыре года проработал в обсерватории Свейзи в Огайо, а с 1930 года покинул ее и работал в качестве специалиста по физике поля и спектроскопии в Лаборатории военно-морских исследований в Вашингтоне.

Несмотря на то что в 1930-е годы ему пришлось сменить род занятий, Браун продолжал в свободное время заниматься физическими исследованиями, в частности эффектом Бифельда-Брауна. Со временем гравитор претерпел многочисленные усовершенствования.

В 1939 году Браун стал лейтенантом резерва Военно-морских сил и был назначен ответственным сотрудником по магнитным и акустическим противоминным исследованиям Корабельного бюро. Вскоре после этого назначения Браун вступил в контакт с первой фазой проекта, который, вероятно, позднее завершился Филадельфийским экспериментом.

Нельзя сказать с уверенностью, работал ли Браун активно над Филадельфийским экспериментом, ведь значительная часть работы его научной команды касалась области, близкой к размагничиванию кораблей. Кроме того, он зани-

мался, говоря его же словами, «одной страшно дорогой работой по глубокому вакууму».

Во всяком случае, его деятельность в Корабельном бюро, где он располагал, как выяснилось, 50 миллионами долларов на научные цели и дюжиной сотрудников с академическим образованием, могла рассматриваться как образцовая. Правда, длилась она не слишком долго, поскольку в той ужасной неразберихе, которая последовала за Пирл-Харбором, он был переведен, теперь уже в чине капитана второго ранга, в Норфолк, где, продолжая исследовательскую работу, он одновременно возглавлял Радиолокационную школу Атлантического флота Военно-морских сил. В декабре 1943 года он был отправлен домой на отдых, а вскоре по настоянию медиков уволен в отставку. Тут представляется интересным мнение некоторых исследователей, что болезнь Брауна напрямую связана с Филадельфийским экспериментом. В 1944 году Браун уезжает на Гавайи и продолжает исследования.

В эти же годы его захватывают участившиеся случаи наблюдения НЛО.

Приступив к следя за дискуссией между военными и наукой в конце 1940-х — начале 1950-х годов, он высказывает мнение, что вопрос о движущей силе НЛО, возможно, удалось бы решить на международной основе. Браун намекал, что в своих исследованиях электрогравитации он, возможно, уже нашел ключ к разгадке этой проблемы.

В 1952 году, переехав в Кливленд, он наметил один проект, названный им «Зимней гаванью», который после соответствующей проработки на-

деялся предложить военным. Ему удалось настолько повысить подъемную силу своего гравитора, что аппарат способен был поднимать вес, значительно превышающий его собственный.

Теоретически Браун пытался объяснить свои результаты понятиями Единой теории поля. Он твердо верил в существование наглядного стыковочного эффекта между гравитацией и электричеством. То, что демонстрирует его аппарат, как раз и есть этот самый эффект. Браун сконструировал дисковидный конденсатор и при подаче постоянного тока различного напряжения наблюдал эффект Бифельда-Брауна в действии. При соответствующих конструкции и электрическом напряжении дисковидные «воздушные пленки» приводились в самостоятельное летательное движение, издавая при этом слабое гудение и испуская голубоватое электрическое свечение.

В 1953 году Брауну удалось продемонстрировать в лаборатории полет такого 60-санитметрового «воздушного диска» по круговому маршруту диаметром 6 метров. Летательный аппарат был соединен с центральной мачтой проводом, по которому подавался постоянный электрический ток напряжением 50 тысяч вольт. Аппарат развивал максимальную скорость около 51 м/с (180 км/час).

Браун работал с почти нечеловеческой решимостью и высокими финансовыми затратами. Вскоре ему удалось превзойти свой собственный успех. Во время следующего показа он продемонстрировал полет целого набора 90-санитметровых дисков по кругу диаметром 15 метров. Все было немедленно засекречено. Тем не менее большинство ученых, присутствовавших на де-

монстрации, не скрывали скепсиса, склоняясь к тому, чтобы приписать эту брауновскую движущую силу некоему, как они сами это назвали, «электрическому ветру», хотя для производства такой силы потребовался бы поистине «электрический ураган».

Лишь очень немногие считали, что эффект Бифельда-Брауна может представлять собой нечто новое в физике.

Браун до последнего времени был убежден, что при наличии необходимых средств исследование эффекта Бифельда-Брауна привело бы к прорыву в области передвижения космических аппаратов, не говоря уже о других сферах применения. Конечно, исследования стоят немало, но действительно ли финансовые соображения являются причиной дефицита внимания? А может быть, корабельный эксперимент до сих пор бросает на это свою длинную косую тень?

В очередной раз зададимся вопросом: действительно ли, как утверждает Альенде и подтверждает собранная информация, американские Военно-морские силы использовали ДЕ-173 для проведения эксперимента по электронной маскировке? И действительно ли военная наука воспользовалась результатами таких испытаний, как базой для дальнейших исследований с точки зрения возможных антигравитационных способов движения, источников энергии, подобных тем, которые могли использоваться в НЛО?

Точные доказательства можно представить лишь в том случае, если бы удалось найти и опубликовать документы правительства по этому проекту. А без знания военного кодового наименова-

ния проекта это трудно, если вообще возможно. Результатом любого запроса в Управление военно-морских исследований оказывалось в лучшем случае стандартное письмо, в котором все это дело полностью отрицалось. В отношении Филадельфийского эксперимента пришел ответ: «УМИ ни в 1943 году, ни в другое время не проводило исследования в отношении невидимости».

Столь же безуспешной оказалась попытка Ч. Берлица обсудить эту тему с представителями «Варо корпорейшн» в Гарленде, Техас. «Фирма не заинтересована в обсуждении с Вами или кем-либо другим этой темы», — ответили ему. Ему также было заявлено о том, что «все ваши запросы, письма и телефонные звонки на эту тему останутся без ответа».

Но несмотря на это, удалось отыскать свидетельства большого интереса США в конце 1930-х — начале 1940-х годов к использованию мощных магнитных полей на кораблях — по меньшей мере в качестве противоминных мероприятий. Вот книга «Магниты. Подготовка физика» (Кембридж, 1956). Ее автор, яркий физик Френсис Биттер, основатель Магнитной лаборатории при Массачусетском технологическом институте, хотя и не вдается слишком глубоко в технические детали, однако посвящает целую главу своей работы развитию технологии электромагнитного размагничивания кораблей в качестве защиты от изобретенных немцами в 30-х годах магнитных мин.

По свидетельству Ч. Фаулера и Т. Эрбера, биографов Биттера, его исследования привели в итоге к «тщательно разработанным контрмерам, за-

ключавшимся в том, чтобы сделать корабли невидимыми для немецких мин».

Разумеется, «невидимость» для немецких мин и невидимость для человеческого глаза — совершенно разные вещи; однако мы должны спросить себя, не исследования ли Биттера в области «магнитной невидимости» послужили предлогом к проекту, целью которого было достижение абсолютной невидимости?

Не может быть никакого сомнения в том, что во время этих ранних экспериментов использовались относительно мощные магниты и соответственно мощнейшие магнитные поля. Биттер пишет в «Магнитах», что он своими глазами «видел относительно крупный корабль, оснащенный мощнейшим магнитом, весящим многие и многие тонны. Это был стержневой магнит, занимавший почти всю длину корабля. Ток вырабатывали огромные генераторы».

Чтобы установить, действительно ли эти ранние эксперименты с размагничиванием были предшественниками куда более сложного Филадельфийского эксперимента, Уильям Мур обратился к одному ученому, работавшему по линии Военно-морских сил в области размагничивания. Незадолго до этого Мур написал короткую заметку о жизни этого ученого, которая должна была стать частью статьи, запланированной для одного журнала. Теперь Мур представил ему эту статью для согласования, предварительно включив в нее специально дописанный абзац, чтобы выяснить, не известно ли ему чего-нибудь об эксперименте, о котором в свое время поведал Альянде.

Вот каково было содержание этого дописанного абзаца:

«Во время войны он (имярек) почти без перерыва работал ... в Национальном комитете оборонных исследований. В ходе работы над одним из его проектов военный корабль (после эксперимента с моделью) был подвергнут воздействию интенсивного электромагнитного поля с целью наглядной проверки влияния поля на материальные объекты. Поле было создано корабельными размагничивателями с использованием принципа резонанса для получения экстремальных результатов. В ряде сообщений говорится о сенсационных результатах (по меньшей мере один источник утверждает, что эксперимент вызвал экстремальную физическую реакцию у экипажа корабля), но, невзирая на реальные результаты эксперимента, в 1943 году работы над проектом были прерваны».

Берлицу и Муру важно было выяснить реакцию этого человека на предложенный ему для редактирования материал. Результат оказался поразительным. Как и ожидалось, в ходе редактирования появились многочисленные предложения, дополнения, вычеркивания, но весь абзац, касающийся испытаний, остался без каких бы то ни было изменений или комментариев. Этому могли быть лишь два объяснения: либо ученый допустил грубый недосмотр, либо информация, касающаяся эксперимента, полностью соответствовала действительности. Сопроводительное письмо к отредактированной рукописи заставляло поверить во вторую возможность: «Что касается проекта Ва-

шей статьи, то содержащаяся в ней информация по большей части абсолютно корректна».

Ну а как же обстоят дела с последствиями эксперимента? Ведь именно этот аспект истории, рассказанной Альенде, заставил многих прийти к выводу, что письма эти не что иное, как плод большого воображения. Другая точка зрения состоит в том, что подобные эффекты действительно имели место и что порожденные ими страх и смятение военных стали причиной возникшей вокруг тех событий завесы секретности.

Необычная информация на этот счет поступила от Патрика Мейси, конструктора-электронщика, работавшего летом 1977 года в Лос-Анджелесе. Он обменивался со своим коллегой, которого помнит лишь как «Джима», мнениями по поводу НЛО и о том, как много скрывает в этой связи правительство.

«Со мной однажды был престранный случай, — сказал Джим, — когда я во время войны служил в Военно-морских силах. Я тогда занимался контролем за аудиовидеоматериалами и однажды в 1945 году в Вашингтоне получил возможность увидеть часть фильма о проводившемся на море эксперименте, который показывали высшим чинам Военно-морских сил. Я помню лишь отдельные части фильма, ведь я находился при исполнении служебных обязанностей и не мог, как другие, сидеть и смотреть его. Я не знал, о чем, собственно, фильм, поскольку комментария в нем не было. Но помню, что речь в нем шла о трех кораблях. Было показано, как два корабля накачивали какой-то энергией третий, стоявший между ними. Я тогда подумал, что это звуковые волны, но

ничего определенного сказать не могу, меня, естественно, в эти дела не посвящали. Через какое-то время этот средний корабль — эсминец — начал постепенно исчезать в каком-то прозрачном тумане, пока от него не остался один только след на воде. Потом, когда поле, или что там было, отключили, корабль снова появился из тонкой пелены тумана. Это был, видимо, конец фильма, и я случайно услышал, как некоторые обсуждали увиденное. Некоторые говорили, что поле было включено слишком долго и что этим-то и объясняются проблемы, появившиеся у кое-кого из экипажа. Один из них упомянул какой-то случай, когда якобы как-то член экипажа попросту исчез, сидя за рюмкой в баре. Другой рассказывал, что матросы «до сих пор не в своем уме и, видимо, навсегда». Был также разговор о том, что некоторые матросы исчезли навсегда. Остальная часть беседы проходила уже слишком далеко от меня, чтобы я мог расслышать».

Возникает вопрос: почему этот фильм, если он действительно существовал, демонстрировался в 1945 году? Может быть, потому, что после окончания войны некоторые проекты, прерванные или прекращенные во время войны, были подвергнуты ревизии на предмет переоценки или возобновления?

Может быть, в их число попал и Филадельфийский эксперимент?

Как вы помните, в прологе мы рассказали о случайной встрече в парке Колорадо-Спрингс, которая стала неожиданным свидетельством Филадельфийского эксперимента. Равнодушному исследователю тот рассказ может, конечно, по-

казаться весьма сомнительным в первую очередь из-за утверждения, будто бы некоторые из участников эксперимента очутились в потустороннем мире и не только видели внеземных существ, но и общались с ними. В самом деле, разве легко поверить, что Военно-морские силы Соединенных Штатов Америки в ходе работы с силовыми полями и опытов по созданию радиолокационной невидимости случайно обнаружили путь к другим мирам и что американское правительство в результате так называемого Филадельфийского эксперимента вступило в контакт с внеземной цивилизацией?

Тем не менее, если бы все так и было, это объяснило бы официальную завесу молчания в отношении столь многих тем и не в последнюю очередь — НЛО. Но как все это доказать?

И тут настало время вновь вернуться к уже знакомому нам исследователю и писателю Джеймсу Р. Вулфу. Вот что рассказал У. Мур:

«В феврале 1978 года, через несколько месяцев после моего последнего общения с Вулфом, я впервые услышал, что Вулф исчез.

Затем последовала серия необычайных событий. В начале мая 1978 года мне позвонила женщина по имени Мишель Альберти, представившаяся сотрудникницей одной из спиритических исследовательских групп в Уиллоудейле, Онтарио, Канада. Она рассказала, что, занимаясь со своей группой проблемой Филадельфийского эксперимента, услышала о некоем Джеймсе Р. Вулфе, который якобы хорошо проинформирован об этом деле. Когда она попыталась разыскать его, то, к немалому разочарованию, узнала, что он исчез.

Дальнейшие поиски показали, что его нет в живых. Она сразу же заподозрила очередной смертельный случай «ка-ля Джессуп».

Возникают два вопроса: как и почему распространялся этот слух и где сейчас находится Вулф? Во время разговора я спросил Мишель Альберти, чем вызван ее интерес к Филадельфийскому эксперименту. «Это находится во взаимосвязи с нашим исследованием встречи третьего порядка здесь, в Канаде», — сказала она. И вот какую историю она мне поведала:

«Поздним вечером во вторник 7 октября 1975 года 27-летнему столяру Роберту Сафферну в поселке Брейсбридж, Онтарио, позвонила его сестра, живущая чуть поодаль на той же улице. Она просила его проверить, что за странное свечение исходит от стоящего невдалеке зернохранилища. Сафферн тут же сел в машину и доехал до хранилища. Не обнаружив там ничего необычного, он повернул обратно, намереваясь заехать к сестре. Внезапно он, к своему полному изумлению, увидел прямо перед собой на покрытой гравием дороге темный объект в виде тарелки диаметром 3,5 — 4 метра».

«Я испугался, — рассказывал он позднее репортеру «Торонто Сан», — это было прямо передо мной — без света и без каких-либо признаков жизни». Его автомобиль еще не успел полностью остановиться, сказал он далее, когда объект «поднялся вертикально вверх и исчез».

По словам Сафферна, едва он развернул машину, чтобы ехать домой, на дорогу прямо перед машиной выбежала странная человеческая фигура примерно 1,2 метра ростом и с непропорцио-

нально широкими плечами, облаченная в серебристо-серый костюм с шаровидным шлемом. Сафферн ударил по тормозам, машину занесло на нетвердом покрытии, и ему едва удалось избежать столкновения с этим существом, которое резко уклонилось в сторону, добежало до края дороги, перескочило через ограду и, выбежав на поле, исчезло. В рассказе Сафферна корреспонденту «Сан» это выглядело так: «Когда фигура подбежала к забору, то оперлась рукой на стойку и перемахнула через нее безо всякого труда, как будто она была совершенно невесомой».

В конец ошарашенный этой внезапной встречей, Сафферн наконец пришел в себя настолько, чтобы ехать домой. Но вдруг увидел, что НЛО вернулся и на короткое время завис над самой дорогой. В следующее мгновение он облетел вокруг мачты высоковольтной линии и снова исчез, свечкой уйдя в ночное небо.

Ни родственникам, ни друзьям, ни репортерам, ни специальным комиссиям, ни просто любопытствующим, которые побывали потом у него на ферме, не удалось ни в чем переубедить его.

Если бы история на этом кончилась, она стала бы не более чем очередным дополнением к постоянно растущему в последние годы списку таких же загадочных и трудно поддающихся проверке встреч.

15 июля 1976 года, то есть примерно через девять месяцев после происшествия в Брейсбридже, Харри Токарц, коллега Мишель Альберти, вместе с одним «киношником» решили наведаться к Сафферну в надежде выяснить что-нибудь о произошедшем в 1976 году.

Ни Сафферн, которого Токарц характеризует как человека, «хорошо взвешивающего свои слова», ни его жена — «типичная провинциалка, не скрывающая своих воззрений», — не проявили особого интереса к дискуссии на тему НЛО.

Когда наконец супруги Сафферн настроились на тему НЛО, выяснились два любопытных обстоятельства. Во-первых, как Сафферн, так и его жена считали себя абсолютно осведомленными в этом вопросе, не придавая, впрочем, ему особого значения. И во-вторых, обнаружилось, что рассказанное они до сих пор не обсуждали ни с кем.

Вот выдержка из сообщения Токарца, опубликованного в журнале «Палс Эналайзер»:

«12 декабря 1975 года, когда в дом Саффернов постепенно вернулся прежний порядок, машина управления полиции провинции Онтарио доставила к их дому троих представительного вида мужчин. Они были при полной униформе, имели на руках впечатляющие рекомендательные письма и представились высшими чинами канадской армии в Оттаве, Военно-воздушных сил Соединенных Штатов Америки и секретной службы Военно-морских сил Соединенных Штатов Америки.

Сафферн, который до тех пор был немало обеспокоен своей встречей с НЛО, утверждает, что любезные господа откровенно и без промедления давали ответы на все вопросы. «Они раскрыли карты» и ответили на все «откуда, что и зачем». Они дали понять, что правительствам США и Канады известно все об НЛО буквально все еще с 1943 года и что с тех пор они сотрудничают с пришельцами.

Мало того, так эти золотопolygonные всезнайки еще и принесли извинения за инцидент 7 октября, заявив, что это была авария, непредвиденная поломка.

Сафферн высказал было мысль о том, что речь, видимо, идет о сверхсекретном военном самолете. Нет, заявили они, это был функциональный дефект, который и вынудил тарелку приземлиться в его владениях вместе в экипажем пришельцев. Миссис Сафферн поначалу отказывалась верить этому, но тут один из офицеров выложил им точное, до минуты, время приземления — подробность, которая была известна одним лишь супругам Сафферн. Вообще говоря, они в общей сложности трижды наблюдали появление НЛО, из которых заявили лишь об одном. И всезнающее трио не замедлило объявить им даты и время тех прежних наблюдений. Они были вооружены полным комплектом информации (включая фотографии НЛО) и еще раз подчеркнули, что посадка была вызвана аварией и не входила ни в какие планы.

Далее мы узнали, что прибывшие офицеры говорили об экипажах НЛО не иначе как о гуманоидах. Первый контакт состоялся, видимо, в 1943 году, и с тех пор наша армия осведомлена о всех передвижениях пришельцев на нашей планете.

Сам Сафферн утверждает, что ему известны личности этих троих и что он может доказать, что это были не мошенники».

Еще одним интересным моментом является существование якобы добытых одним экспертом данных, указывающих на то, что канадские и американские власти подвергли супругов Сафферн

основательной медицинской и психологической проверке, прежде чем организовать ту декабрьскую встречу с ними, видимо, для того, чтобы предугадать их реакцию на то, что им предстояло узнать.

Профессор Стэн Фридман, физик-ядерщик из Хейварда, Калифорния, называл возможной причиной внимания внеземных цивилизаций к Филадельфийскому эксперименту высокую концентрацию электромагнитного сверхпотока, образовавшегося в ходе эксперимента. Профессор Фридман лично занимался изучением нескольких других случаев, при которых, как сообщают, НЛО появлялись в качестве нежелательной реакции на электромагнитные эксперименты; по его теории, НЛО, если они наблюдают за нашей Землей, должны пользоваться функциональной электромагнитной картой, и когда где-либо появляются непонятные им светлые точки или пятна, они, естественно, пытаются выяснить причину их появления на месте.

И все же что-то произошло в 1943 году на морской верфи Филадельфии, оставив отчетливые следы в рассказах, книгах, газетных статьях, документах и памяти людей.

Это был бы, конечно, не первый случай, когда научное открытие опережает свое время, и от него приходится отказаться из-за непредвиденных побочных явлений или же просто потому, что эксперимент утратил свою актуальность перед лицом других, более насущных дел (создание атомной бомбы).

Здесь следовало бы прислушаться к мнению известного физика Джеймса Моффера из уни-

верситета Торонто. На вопрос о вероятности такого события, как Филадельфийский эксперимент, он ответил, что на космическом и астрофизическом уровнях подобные феномены встречаются постоянно. По его словам, работа над проблемами подобного рода является для него чем-то почти обыденным, хотя она и строго ограничена областью больших энергий и крупных астрофизических тел. «Перенесение подобного феномена на земной уровень в современных условиях, — заявил он, — представляется чем-то, что выходит за рамки существующих сегодня теорий. Необходимо помнить, что Эйнштейн, провозглашая в 1905 году свою теорию относительности, делал это в отношении крупных объектов астрофизического порядка величин. Ему просто не приходило в голову, что его теория могла бы быть применимой к процессам, происходящим на уровне атомов. Когда в 30-х годах стала очевидной возможность контролируемого расщепления атома, потребовалось ответить на вопрос: предусматривает ли теория эту возможность? Оказалось, что да, и этот результат стал еще одним аргументом в ее пользу. То же самое могло бы относиться и к Единой теории поля. Но ведь она могла бы иметь другие возможности, пока что не известные науке».

Тайна Филадельфийского эксперимента остается пока нераскрытой, причем окончательный ответ может храниться в недрах архивов морского ведомства США. Возможно, все это просто сказка, и подобного эксперимента просто не существовало.

Если, однако, принять в расчет то множество материалов, которое удалось собрать в разное время разным людям, и если Филадельфийский эксперимент не проводился в том виде, как он представляется, то что же все-таки произошло на самом деле в далеком октябре 1943 года в секретной зоне морской верфи Филадельфии?

И последнее. Совсем недавно наша печать сообщила о публичной демонстрации на американской авиабазе Военно-воздушных сил «Неллис», штат Невада, двух считавшихся ранее сверхсекретными самолетов, разработанных фирмой «Локхид».

Они выполнены с учетом «техники малой заметности». Вся поверхность планера состоит из множества элементов, каждый из которых ориентирован в своем направлении. Это существенно снижает количество пиков отраженного электромагнитного излучения. Кстати, считают, что именно эти покрытия стали причиной необъяснимых заболеваний среди рабочих завода «Локхид»...

Может, Филадельфийский эксперимент продолжается и сегодня?

: